

Агагельды
Алланазаров

ПОКЛАЖА
ДЛЯ ИНЕРА

12+

Агагельды Алланазаров

Поклажа для Инера

«ЛитРес: Самиздат»

2006

Алланазаров А.

Поклажа для Инера / А. Алланазаров — «ЛитРес: Самиздат»,
2006

В этот том избранных произведений известного туркменского писателя Агагельды Алланазарова вошли почти все прозаические произведения, переведенные на русский язык. Большинство из них переводились и на другие языки мира. По его произведениям сняты полнометражные художественные фильмы «Прощай, мой парфянин», «Дестан». Том получил название по одноименной повести, вошедшей в него. Все произведения отличаются яркостью, самобытностью, увлекательным сюжетом.

Содержание

ПОКЛАЖА ДЛЯ ИНЕРА	6
I	6
III	12
VII	22
VIII	24
IX	26
СЕМЬ ЗЕРЕН	28
Первое увольнение	28
Голос неумолчный	33
Тринадцатый	34
Теплый день	35
Ночь в поле	37
Два письма	39
Самая короткая ночь	40
ДЕСТАН МОЕЙ ЮНОСТИ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

ПОКЛАЖА ДЛЯ ИНЕРА

I

Тот взгляд брата я долго не мог забыть. Я и теперь его помню... Раньше Нурли никогда так на меня не смотрел...

Был один из декабрьских дней войны. К тому времени семья наша уже крепко хлебнула из полной чаши военных бед. Война была далеко, а беда близко. Мой старший брат ушел в ее первые дни. Скоро от него пришло три письма, а потом Агамурад замолк. На второго моего брата, Довлета, мы получили похоронку в прошлом году... еще мама была жива...

Только отец продолжал писать – хоть как-то поддерживать нас... Он служил в строительном батальоне.

Нурли четвертым уходил на фронт из нашей семьи. Он был старшим в доме после того, как ушли отец, Агамурат и Довлет.

Обе невестки относились к нему с большим уважением.

Сейчас-то мне ясно, что за таким отношением к Нурли стояло прежде всего уважение обеих гелнедже к своему очагу. Это чувство трудно объяснить. Однако оно должно жить в каждом достойном мужчине и в каждой достойной женщине. Так мы считаем!

Нурли ведь был еще совсем молод и гелнедже ничего не стоило бы взять да и вовсе его не слушать, не уважать. Жить себе как захочется...

Что бы он им смог сделать?.. Однако ничего подобного ни старшая, ни младшая гелнедже себе не позволяли!

Но и Нурли, конечно, старался! Звание хозяина Нурли оправдывал. Как и отец когда-то, он позже всех ложился и раньше всех вставал... Мы все, конечно, видели, как он старался изо всех сил, чтобы семья не голодала.

Иногда он брал меня на реку – показать свои особые тайные места, где рыба лучше клюет... Когда-то рыбная ловля была для нас скорее забавой. Теперь она сделалась источником пропитания.

Когда удавалось поймать рыбку покрупней – вот это был праздник! Теперь я уж и не знаю как, но обычно как-то удавалось раздобыть немного масла. И тогда все торжественно ели жареную рыбу!

Но чаще мы с Нурли могли наловить мелочь – с детскую ладошку величиной, а то и еще меньше. Тогда гелнедже запекала рыбу на углях, сначала обмазав каждую глиной...

Но все это осталось в прошлом. Сегодня Нурли уходил на фронт. Ему не хотелось лишних слез и причитаний. Он попрощался с нашими женщинами, с племянниками, с дядюшкой Донли ага, со всеми соседями. И все. И мы ушли. Я провожал Нурли далеко за село.

В тот раз, может быть, впервые он назвал моё настоящее имя.

Прежде, в более веселые времена, у меня были прозвища. То – словно был я старший в семье брат – величают Язлы ака. То вдруг крикнут:

– Эй! Мятое ведро! – тоже про меня...

Они все любили меня поддразнивать. Но, с другой стороны, вроде как-то неудобно – все-таки люди взрослые... И каждый тут оправдывался, как умел. Мама, например, всегда говорила, что человек, который имеет всякие клички, может не бояться дурного глаза. И потом давала мне прозвища без всяких сомнений. Только «Мятое ведро» казалось маме длинным. И она звала меня просто Емшик – Мятый.

Во всем доме лишь два человека называли меня по-человечески, без всяких этих шуточек. То были мой отец и старшая гелнедже. Но когда я пробовал жаловаться, отец спокойно отвечал:

– У хорошего парня должно быть несколько прозвищ и несколько имен. Это не нами придумано, не нам и отменять. Знаешь, такая есть страна, далеко отсюда, там живут французы. Так те вовсе имеют по пять, а то и по шесть имен!

Между прочим, все мои прозвища появились не просто так. Каждое имело свою «историю». Например, Мятым я стал оттого, что имел проплюснутый нос.

А прозвище Язлы ака получил в три или четыре года, когда очень сердился и сильно плакал, что к моему имени не прибавляют этой «уважительной» частицы. Ну а братья и рады стараться!

В те далекие годы мне это сильно нравилось. Говорят, я даже привставал на цыпочки, чтобы стать настоящим «акой...»

Сделавшись постарше, я счастлив был бы расстаться с проклятушей «приставкой». Стыд и слезы не раз душили меня. Но братья клялись, что очень привыкли так меня называть. Говорили: «Ты сам виноват. Попробовали бы мы не назвать тебя Язлы ака, да потом бы реву на целый день!».

Тут надо, конечно, признать и признаться: я стремился стать взрослым... с самого раннего детства. Я и теперь испытывал тайно неудержимое желание как можно скорее повзрослеть. Старался перенять у старших их неторопливую «весомую» походку. И сидеть старался... как-нибудь так, «повзрослее», голову наклонить эдак глубокомысленно... Я хотел походить на отца и братьев – потому что очень ими гордился.

Мой отец, например, был в селе уважаемым человеком. Когда устраивали свадьбу и вдоль улицы выставляли в ряд большие котлы, то готовить плов поручали только моему отцу!

Готовить хорошую праздничную еду – это вообще дело мужское. Так по крайней мере водилось у нас...

Нет, моему отцу не приходилось дважды повторять свои слова. Я втайне был, конечно, жутко горд, что у меня именно такой отец! Такой уважаемый. Такой, действительно, «ага».

В селе у нас было немало ребят, которые завидовали моему житью... Эх! Если бы не началась война! И жил бы я безмятежно, как любимый котенок... Да и как иначе может жить человек, у которого три старших брата, две невестки, отец и мать...

– Язлы! – сказал Нурли. – Помни, Язлы! Теперь семья остается под твоим присмотром. Тебе уже четырнадцатый, так будь действительно старшим. Прошу тебя, не обойди заботой малышей... – было видно, что он сильно волнуется. – Как говорится, добрая надежда – пол дела. И вы тоже – надейтесь! Старайтесь делать добро. И друг другу и всем людям... Надейтесь на лучшее! А если я уцелею, если вернусь, так все заботы опять станут моими... Но, сам знаешь, загадывать не стоит... И если уж судьба не даст мне больше увидеть родного крова, придется тебе платить мой долг...

Нурли замолчал на какое-то время, сглотнул сухоту в горле:

– Браслеты старшей гелнедже и все украшения младшей... Ты помнишь их? Так ты хорошенько запомни: налобные подвески, браслеты, девичий головной убор... Я все это отдал в фонд помощи фронту.

Мы переглянулись. Невольная и радостная улыбка мелькнула в его глазах. Я хорошо понимал брата: ему представилось, как все эти дорогие и старинные вещи из тяжелого серебра, покрытые золотом, превращаются в танки и пушки, чтобы непроходимой стеной стать на пути у врага.

Но потом взгляд Нурли опять стал твердым. И я опять понял брата: когда кончится война и семья опять крепко станет на ноги, я должен пойти в Мары на базар и снова купить укра-

шения для наших женщин. Все точно, как было. Чтобы по справедливости, чтобы ничем не обидеть их!

– Ты ведь знаешь, Язлы, там на базаре, можно все достать. Хоть птичье молоко!

Я кивнул... Пожалуй, только слова про украшения были для меня новостью. Все остальное я уже слышал много раз. О том же говорил отец Агамураду, когда первым уходил на фронт. А потом Агамурад Довлету. А потом Нурли, склонив голову, слушал уходящего Довлета. Теперь пришла его очередь сказать все это мне.

Но, кажется, он еще что-то хочет произнести. Что-то, быть может, самое важное... Что же?.. Нурли молчал. Черные глаза его смотрели на меня с каким-то особым чувством. На душе у меня сделалось беспокойно и тоскливо. Я будто понимал его. И не мог понять до конца. Но взгляд брата навсегда отпечатался в памяти. Он и теперь стоит передо мной, живой взгляд, живого тогда Нурли.

II

Жена Довлета, Айсона – моя младшая гелнедже, я и Сарагыз, девушка из нашего села, поливали хлопчатник. Участок был неплохой, недалеко от села. Весной в бригаде распределяли участки, и этот достался моей гелнедже.

Когда хлопчатник уже заметно подрос и работы прибавилось, к Айсоне приставили меня и Сарагыз. Скоро я выучился сам ухаживать за полем.

А забот, надо сказать, у поливальщиков всегда предостаточно... Вот, кажется, что и бороздок ты сделал сколько следует и земля будто бы вдоволь напилась водой. Но вдруг видишь: вон в том краю поля головы кустарников поникли. Значит, туда не дошла вода, бороздки остались сухими!

Да. Работы больше чем хватало. И все же у меня бывали приятные свободные минутки. Чтобы дать мне немного отдохнуть, меня отправляли в село за припасами. А то и просто послушать: что там скажет «черноголовый» – репродуктор. Как и по всей стране, в нашем маленьком и далеком, залитом солнцем селе люди хотели знать, что там делается, на фронте...

Вечерами, усталые, мы ложились на деревянный настил, сделанный из жердей. Постепенно воздух становится прохладным и прозрачным. Так спокойно и сладостно было вдыхать его, засыпая. И видеть над собой чистые звезды. И видеть, как поднимается луна, похожая на пиалу, полную молока.

В первые ночи, сказать по правде, мне было не по себе немного, мурашки щекотно и коряво пробегали по телу, когда где-то, и не так уж далеко, вдруг заунывно голосили шакалы.

Плакали, то ли о чем-то просили меня, то ли угрожали... Но скоро я привык к их голосам, как и ко всем другим звукам и шорохам ночной пустыни...

Сегодня мне опять предстояло ехать в село. Что там говорить, я был доволен!

– Уж постарайся, – шутливо наставляла меня Сарагыз, – привези нам радостную весть!

В это время она помогала мне получше увязать тюк травы, которую я собирался отвезти домой... Сарагыз была крепко сбитая рослая девушка. В селе ее за это – на туркменский лад – называли башней.

Сарагыз, между прочим, не зря меня просила. Третьего дня я как раз и привез такое известие. Наши войска, наконец, вышвырнули гитлеровцев за пределы СССР!

И когда я приехал к себе на хлопковое поле, уж я был горд!

И я не просто им рассказывал, а говорил, как настоящий радиодиктор – таким особо твердым и торжественным голосом.

Последние слова, мне кажется, я вообще произнес точно как он, этот невидимый, но такой знакомый нам человек:

– Туркмены тоже совершили на разных участках фронта немало подвигов. Внесли свой вклад в общую победу!

Бедная моя гелнедже не в силах была сдержать слез – и гордости, и горечи.

А Сарагыз, по обыкновению своему, принялась шутить. Делая вид, что приглаживает волосы, словно готовится к встрече, Сарагыз насмешливо посмотрела на меня:

– Хм... Так, значит, теперь пора вышивать тюбетейки в награду солдатам?

Мне не понравилась ее шутка. Я от чистого сердца старался, чтобы все вышло поторжественней, а она, понимаешь... Или, может, Сарагыз вообще мне не верит?

– Можешь смеяться, можешь издеваться, можешь вообще делать, что хочешь, – сказал я сердито, – а Гитлеру вонючему вставили фитиль в одно место!

Сарагыз вдруг неожиданно посерьезнела:

– Вот и хорошо... И пусть будут твои слова услышаны богом! – Она взяла лопату и пошла туда, где работала моя гелнедже, для которой так коротка была радость, а слезы – куда длиннее. И чтобы скрыть их от нас, гелнедже ушла поскорей...

Сегодня я вернулся из села примерно к полудню. Гелнедже, сидя в скудной тени нашего настила, разрешила дыню. Увидев, что я подъехал, она быстро спрятала под подол ноги в подвернутых шароварах: иначе ведь при поливе нельзя.

– Ну? Как тут без меня поработали? – спросил я важным голосом.

Но гелнедже не стала отвечать на мой вопрос. А сперва сама заставила меня ответить, как дома, и здоровы ли дети, и здорова ли старшая гелнедже.

Лишь когда я ответил ей, что все, слава богу, в порядке, она принялась рассказывать.

Оказывается, прямо перед моим приходом вода прорвала ближнюю запруду, и они едва сумели заделать промоину... Ничего себе!

Я сейчас же взял лопату, и хотел пойти проверить, как там дела на моем участке, не надо ли получше отрегулировать воду... Но гелнедже мягко остановила меня:

– Погоди, поешь дыни.

– Наши?.. – я с любопытством потрогал дыньки, выставившие кверху свои шершавые морщинистые мордочки. Гелнедже улыбнулась мне, кивнула:

– Знаешь, прохладненького захотелось, я и взяла несколько из тех, что уже были сорваны... В этом году урожай просто отличный... Если б еще удалось как следует... – она опять улыбнулась грустноватой своей улыбкой. – Тогда и навялить хватит, и патоку сделать, и соседей как следует угостить... Когда опять в село поедешь, не забудь, пожалуйста, прихвати с собой – для ребят. Сейчас дыньки – самая сладость!

Она быстро и аккуратно соскребла кончиком ножа остатки сладкой мякоти, выпила собравшийся в чашечке кожуры дынный сок, протянула нож мне:

– Поешь, поешь... И там в хурджунах осталось немного хлеба из джугары... Я раскрыл хурджун, достал кусок кукурузного хлеба:

– А ты, гелнедже?

– Нет, не хочется... Сегодня все на прохладенькое тянет... – Что-то припомнив, она вдруг поднялось с озабоченным видом: – Господи! А где же она-то?

– Кто?

– Да Сарагыз! Ну-ка посмотри, посмотри – не видно?.. Ей ведь тоже досталось сегодня с этой запрудой... Ну? Видишь ее? Тогда махни тельпеком. Пусть отдохнет немного, дыньки поест. А то как с утра молока глотнула, так и все – работает!

Я несколько раз махнул своим тельпеком – барашковой шапкой. Наконец, Сарагыз, которая, казалось, где-то у горизонта шагала среди поливальных бороздок, ответила мне – подняла лопату, что, мол, вижу, поняла...

Дыня была на редкость душиста и хороша, а я устал от жары... Но не мог как следует наслаждаться ни тенью, ни отдыхом. Я все думал о своей младшей гелнедже. Мне хотелось спросить ее, но я не решался. Гелнедже сидела отвернувшись, опустив голову и руки. Было в ее позе что-то от усталой птицы. И в то же время в позе этой видилась словно какая-то вина...

Что уж говорить! С тех пор, как мы получили похоронку на Довлета, Айсона гелнедже изменилась так, что, кажется, вернись сейчас Довлет, он и не узнал ее! Айсона всегда была такой румяной и глаза такие веселые. А теперь лицо ее словно высохло, а глаза поблекли. Только стали еще больше. И она все худела – как говорится, таяла на глазах...

А еще я замечал: вот начнет она что-то делать. Потом вдруг остановится, будто вообще забудет кто она и зачем здесь. Остановится и стоит, глядя куда-то мимо всего на свете... И я не знал, что мне делать, как убереечь ее, бедную! Не дай-то бог, с нею случится то, что случилось с женой Сапара, нашего пастуха верблюдов... Сапар тоже пошел на фронт, как наш Довлет, да и не вернулся. А вернулось вместо него черное письмо! И вот жена Сапара сошла с ума. Она ходила теперь по селу босая, с непокрытой головой. А если встречала кого, то лаяла и выла, как собака.

Суеверно я твердил про себя заклинание, которому научила нас мама: «Уйди, беда, уйди в камень, в воду уйди, в пустоту, пройди мимо, пройди мимо. Мы не поддадимся тебе!». Много раз повторив эти слова, я ждал помощи, я ждал неизвестно чьей помощи. Но некому было мне помочь, кроме меня самого!..

Подошла Сарагыз – высокая, крепкая, шаг широкий. Я невольно забыл на время свои невеселые мысли.

Она же, как всегда, начала разговор с шуточек, в которых главным героем был – увы! – я, собственной персоной.

– Итак, ты прибыл, о, дорогой начальник!

– Прибыл, прибыл, – ответил я, как можно суровее насупливая брови. – Ты лучше расскажи, что у вас тут стряслось.

– О, дорогой начальник! Расти большой и сильный. И да укрепит господь твою могучую память!

В придачу к соей излишней шутливости она еще имела обыкновение выражаться иносказательно. И последняя фраза в переводе на простой человеческий язык должна была значить: «Ты хорошо поел и попил. Но теперь-то уж хватит. Расскажи, наконец, что ты видел и слышал в селе!».

А еще она как можно чаще старалась ввертывать последнюю свою придумку – прозвище «начальник».

Немногие знали, с чего это я вдруг да стал... «начальником». А ведь кличкой этой меня наградил сам Язмухамед ага, председатель колхоза... В тот самый день, когда моя гелнедже, Сарагыз и я взялись за поливку одного общего участка, председатель сказал – при всей бригаде! – что назначает меня начальником над этими двумя женщинами. И отныне, если что-нибудь с ними случится, я отвечаю головой!

Председатель говорил так весомо и основательно, что сомнения быть не могло: он надо мной посмеивался!

Но тут вдруг Язмухамед ага стал действительно серьезен и сказал, что если с нашего поля соберут хороший урожай, то мое имя будет включено в список, который отправят в Москву, и очень возможно, мне дадут медаль!

Если другие в общем-то не обратили внимания на шутки председателя про «начальника Язлы», то Сарагыз, конечно, этого не пропустила. Не такой она человек!

Сейчас, усевшись на корточки, Сарагыз умылась, утерлась подолом. Села, по-мужски скрестив ноги, взяла кусочек дыни. Но я напрасно понадеялся, что какое-то время ее рот будет занят.

– Слушай, начальник. Что хочу тебя спросить... Ты когда проезжал мимо нашего дома, случайно там не видел на привязи чужого ишака?

Я задумался... Я понимал, что опять ее фраза с двойным дном. В чем же тут подвох? Так ничего и не поняв, я стал добросовестно припоминать, действительно, не попадался ли

мне на глаза какой-нибудь ишак... И вообще: что я увидел необычного у дома Сарагыз?.. Да нет, вроде бы ничего такого...

А моя гелнедже, видно, сразу поняла, на что намекает Сарагыз. Опустив глаза, она теребила кончик своей косы, разбивая ее на множество мелких прядок. Потом вдруг глянула на меня...

– Какой же ты еще мальчик маленький! – Это я прочитал в глазах гелнедже до того ясно, что на сердце у меня как-то странно похолодело. Я посмотрел в глаза Сарагыз, потом в глаза гелнедже... Вот горе какое! Ничего я не мог понять!

– Хе! Видел же я! Старушку какую-то видел. И прямо около твоего дома. Подслеповатенькую такую бабушку...

– Ну и что же она?! – чуть ли не закричала Сарагыз. Даже забыла прибавить своего обычного «начальник».

– Она-то?.. Да ничего вроде. Мимо шла. На плечах вязанка травы... – Сарагыз усмехнулась с грустью и будто с обидой:

– Да нет, видно, мне никогда не суждено постирать мужской одежды... Пропади все пропадом!

Тогда-то, наконец, я понял, о чем так допытывалась она у меня. И почему так грустно и выразительно смотрела на меня гелнедже.

Незнакомый ишак у дома... На нем мог приехать сват. И старуха та могла быть свахой... могла бы... Да только сейчас некому сватов засылать...

А Сарагыз уже успела взять себя в руки. Сказала, улыбаясь через силу:

– А все же нам очень повезло, что ты с нами, Язлы джан. Даже в такое время можем вдыхать мужской запах, – она весело и быстро повернулась к моей гелнедже, чтоб та продолжила шутку. Но Айсона грустно и смущенно опустила лицо.

Я отложил дыню, взял лопату на плечо. Я старался думать только о поливе, о бороздках, о том, чтобы вода получше пропитала землю. Но грустное обиженное лицо Сарагыз все стояло перед глазами. И грустное, смущенное лицо моей гелнедже... Словно я в чем-то был виноват.

III

Вдали, на горизонте, завиднелось три силуэта, три всадника. Кто они были, с такого расстояния не разобрать. И однако я узнал их. Да и кто из нашего села их не узнал бы? Впереди, должно быть, председатель Язмухамед ага на сером коне. Каждый день, как только солнце начинало палить по-настоящему, председатель отправлялся на хлопковые поля.

Я долго не мог понять, зачем он так поступает. И лишь когда сам стал поливальщиком, понял все. Утром, по холодку, оно, конечно, приятнее прокатиться. Да зато в жару куда ясней виден каждый куст хлопчатника, которому из-за неумелости или нерадивости поливальщика не досталось воды!

Вторым всадником, уж наверное, был Меле-шейтан... чтоб с ним случилось то, чего он сам желает людям!

Третий – некто Сумсар-вага... Он “знаменит» тем, что имеет абсолютно круглое лицо, по сравнению с которым даже лепешка показалась бы продолговатой!

Председатель наш известен был как человек довольно мягкий даже, может быть, нерешительный. А эти двое сумели найти к нему подход. И надо сказать, очень неплохо жили да поживали...

И еще я не раз слышал, что Меле-шейтан и Сумсар-вага любят подкатиться к женщинам, мужа у которых ушли на фронт. Это в селе никому не нравилось. В том числе, конечно, и мне. Однако, все мы помалкивали, делали вид, будто ничего не знаем... Друзья председателя - что ты им скажешь!

Сейчас, хотя они были уже близко, я не мог скрыть свою довольно ехидную улыбку – не мог отказать себе в таком удовольствии.

Сам-то я не видал, но жители нашего села любили пересказывать одну и ту же историю – словно мстили двум дружкам-приятелям...

Это случилось в ту пору, когда в селе организовывали колхоз. Однажды у нас появилась настоящая деревянная скамейка! А надо сказать, для туркменских сел того времени это была величайшая редкость.

Уж каким образом достал ее наш председатель, неизвестно. Однако на всех колхозных сходках Язмухамед ага непременно и с особой важностью восседал на этой скамье... А Сумсар вага и Меле-шейтану тоже как-то надо отделиться от “простых» крестьян, показать, что они выше тех, кто роет арыки и сеет хлопок. Но второй скамьи и ничего вообще похожего достать они не могли. Ума на что-то настоящее не хватало. И тогда дружки взяли моду сидеть на долбленных тыквах для воды!

Когда всадники подъехали, я, как и положено младшему, поздоровался первым.

– Здравствуйте-здравствуйте, начальник, – усмехаясь, отвечал Язмухамед ага. – И где же, интересно, твои многочисленные работники?

– Да вон они, – спокойно ответил я, – готовят землю для следующего полива.

И пока приехавшие смотрели, как моя гелнедже и Сарагыз, не жалея сил, трудились в поле, сам я с восхищением и трудно скрываемой завистью смотрел на председательского коня. Конь действительно был красив – взмыленный, разгоряченный жаркой дорогой.

– А что же ты прохлаждаешься?! – вдруг затараторил Сумсар-вага, и жирное лицо его налилось как бы благородным гневом. – Нет, дорогой председатель, он совсем не похож на человека, который честно трудится. Слоняется тут, понимаешь... Такой маленький, а уже лентяй!

“Вот же болтун”, – сердито подумал я, – вот же правда: “вага-вага...». Так у нас в Туркмении говорят, когда хотят сказать про пустомелю и пустобреха.

Меле-шейтан, который до того безразличным взглядом рыскал по моему лицу, тут же принялся «помогать» дружку...

А ведь я был перед ними всего лишь мальчишка. Не умел сразу да и не смел ответить на несправедливость. Но я не чувствовал за собой никакой вины. Я честно работал! А вот они в самом деле председательские захребетники... Ох, как же мне хотелось схватить с земли камень получше да запустить его в жирный лоб Сумсар вага...

Но не сделал я этого, сдержался... Были бы в селе отец и братья, я бы тогда, я бы... Ходить бы тебе, жирный Сумсар, с расквашенной физиономией. А старшим я бы после честно объяснил, как было дело, они бы даже ругать меня не стали! Потому что старшие всегда учили меня жить справедливо. А это значит – не обижать невинного. И еще это значит: когда несправедливо обидят или унизят тебя, обидчику спуску не давать!

Да... Если бы братья и отец были здесь... Но тогда разве я занимался бы сейчас этой взрослой, трудной работой, голодный наполовину...

Язмухамед ага, видно, понял мое состояние. Заговорил спокойно, будто и не слышал, что там провляли и пролаяли его подручные.

– Ты, начальник, будь внимателен. Я ведь не даром тебя здесь поставил... Вон, видишь, кустики повяли. Их надо поскорее полить. Вдоволь их напои. А та сторона, где сейчас женщины, может подождать и до завтра, ты понял?.. – И стал концом плети показывать мне те участки, которые, ему казалось, были не политы.

– Я на обратном пути заеду к бригадиру, велю ему дать тебе на подмогу еще двух людей. А то участок у вас слишком велик... Трудновато, да?

Я слушал председателя, почтительно кивал на его слова, а у самого внутри все так и кипело. Никак не мог успокоиться. Очень мне хотелось огреть лопатой этих Меле и Сумсара. И, главное, лопата была как раз у меня в руках...

– Да здесь, я вижу, и колючек полно, – продолжал председатель. Ты, начальник, зайди-ка вечером к завскладом и скажи, что, мол, председатель велел выдать пару чарыков! А если вздумает... – председатель нахмурился. – В общем, если не получишь чарыков, шагай прямо в контору, понял?

Тут он, видно, вспомнил о моей гелнедже и Сарагыз:

– Нет! Скажи ему, председатель наказал выдать не одну пару, а три!

Чарыки, из грубой кожи – не бог весть какая обувь. Но в ту минуту я был, надо честно признаться, несказанно им рад... Три пары чарыков – это не шутки! Про свои сразу решил, что уберу их, приберегу. А на полив надевать стану только старые...

Но едва они тронули коней, опять во мне закипела обида. Прямо хоть плачь! И еще зло на себя брало: ведь струсил я – чего уж там!

Вечером приехал к нам старый Донлы ага, который у нас всегда собирал траву для своего скота. Он, конечно, ничего не знал про случай, который произошел днем. Но получилось так, что старик еще, как говорится, подлил масла в огонь! Оказывается, сын Меле-шайтана науськал собаку на мою старшую гелнедже!.. Ну, подлецы проклятые! Шакалы!.. Больше я не буду сдерживаться и трусить. Отхлещу тебя мокрым прутом, как осла, забравшегося в чужой огород.

В памяти опять встало лицо Нурли. Его внимательный и такой непонятный взгляд. И его слова: «Помни, брат. Теперь ты главный в доме. Мужайся...».

А то мне начинало казаться, что Нурли смотрит на меня укоризненно и осуждающе: «Что же ты? Я на тебя надеялся...».

Мысли эти не давали мне покоя. Я почти не замечал, как работаю, почти не замечал усталости и голода.

«Нурли, что же мне хотели сказать твои глаза? Что же они хотели сказать мне?.. Растолкуй ты бога ради! Помоги, объясни как-нибудь попроще, попонятней».

Если б только возможно это было, с какой радостью я бросился к брату, стал бы умолять его... Но ведь это было невозможно! И глаза Нурли в моей душе молчали. И глаза эти не оставляли меня до самого позднего вечера!

IV

Прошло несколько дней, а я все не мог забыть слова старого Донлы: «Что же поделывать, сынок! Видать, наступила пора свиньям командовать над людьми. И никто не смеет ничего сказать, трави они тебя собаками или вломись они ночью в дом к одинокой женщине... Ничего нам, видно, не остается. Так и будем терпеть. Война, у государства нет времени, чтобы добраться до таких, как они!»

Донлы ага не произносил имен, но я слишком хорошо знал, кого он имеет в виду!

– Слушай, сынок! Я ведь знаю не только Шейтана. Мне известно, что за птица был и его отец. Этому ничего не стоило избить заморенную голодом корову так, что она опухнет. А потом рассказывать на базаре, что корова скоро должна отелиться...

И я понял, наконец, что не смогу сдержаться, что должен что-то сделать, иначе...

Но как отомстить, на что решиться, я не знал. Ночами почти не мог спать...

Как-то я повез домой хурджун дынь и остался ночевать. Но опять не знал, что сделаю. Только знал: что-то я сделаю обязательно!

Поднялся, когда было еще темно... Одна и та же мысль грызла меня: если в этот раз не дам отпор сыну Шейтана, они совсем обнаглеют. И потом потянутся к моим гелнедже!

Я уверен был: сын Шейтана ничего подобного не посмел бы себе позволить, если б не видел, как обращается с нашей семьей сам Шейтан. Но только вы ошиблись во мне, уважаемые шакалы!

Когда с топором в руке я вошел во двор Меле-шейтана, его жена доила корову. Онаглянула на меня из-под коровьего брюха и продолжала заниматься своим делом. Только приосанилась эдак важно: видно, решила, что я один из просителей...

– Эй, баба! Мне некогда. Тащи сюда своего пашенка. Я хочу рассчитаться с ним!

Конечно, мой голос здорово дрожал от волнения. Но у страха, как известно, глаза велики: увидев меня, стоящего посреди двора и поглаживающего лезвие топора, словно я опять и опять хочу убедиться, достаточно ли он остер, женщина испугалась до смерти. Она не могла ни сказать ничего, ни двинуться с места, а только моргала, глядя на меня, как заколдованная.

– Тащи же сынка, говорят тебе! – уже тверже и громче проговорил я, – Или мне войти в дом и зарубить его прямо в постели?!

Ведро с молоком с громким звяком упало из ее рук. Корова испуганно фыркнула и рванула прочь. Но веревка, натянувшись, как струна, пустила ее всего на два-три шага. Корова остановилась разом и стала со страхом следить за каждым моим движением.

– Что ты говоришь такое, что ты говоришь! – женщина, наконец, обрела дар речи. – Разве это мой сын укусил твою гелнедже?.. Вон, собака ее укусила. Собака, понимаешь? Значит, собаке и мсти!

Главная виновница истории тоже, между прочим, была здесь, лежала около сена. Как только началась наша «беседа», собака заворчала, оцетинилась. Глазами, налитыми кровью, стала следить за мной... Вот уж правда: все и вся в этом доме были под стать хозяину!

Когда жена Шейтана уронила ведро, собака пошла на меня. И я отлично видел – совсем не для того, чтобы преданно лизнуть мне руку!.. Я успел лишь повернуться к ней, поднял топор. Но она уже опрокинула меня наземь – здоровая была зверюга. Рыча, собака накинута на мой топор.

Схватив горсть земли, я бросил ее прямо в собачью морду, в красные горящие глаза. И увидел, что глаза эти мгновенно погасли. Теперь я мог схватить воткнутые в сено вилы... Мне как-то в голову не пришло, что ведь этими вилами легко вообще убить собаку, проткнуть ее насквозь. Я же стукнул врага своего по голове. Собака пошатнулась, сделала два или три шага

и рухнула наземь. А я, уже не помня себя, бросился на нее сверху и стал сыпать в разинутую пасть новые и новые пригоршни земли...

И тут кто-то схватил меня за шиворот, легко и резко оторвал от земли. Я еще ничего не успел сообразить, когда получил сильный удар и отлетел далеко в сторону.

Это, конечно, сделал Меле-шейтан, который услышал крик и выбежал во двор... Подняв голову, я увидел, что уже успел собраться народ, а впереди всех стоит сам председатель Язмухамед.

Теперь трудно сказать, но что-то придало мне новые силы. я поднялся, отряхнул пыль, спокойно пошел к Меле-шейтану. Не отрываясь, я смотрел прямо ему в глаза, в самые зрачки. Высокий и сильный Меле спокойно ждал, что будет дальше. И тут я сорвал с него каракулеву шапку, пнул ее ногой так, что она далеко отлетела в сторону.

– Сейчас я рассчитался с твоей собакой. Но за то, что ты ударил меня я... – теперь мой голос звучал твердо, как, может быть, никогда еще не звучал, – я сейчас же подожгу твое сено. А потом вернусь как нибудь и подожгу твой дом! А встречу один на один твоего сыночка, я его... – Тут я произнес кое-что не особенно приличное и очень обидное... И направился прямо к копне сена.

– Люди! Господи! Да он с ума сошел! – Наперерез мне кинулась жена Шейтана. Видно, ей очень уж ясно представилось, как сейчас запылает ее копна, а когда-нибудь ночью вспыхнет и весь дом.

– О-о-о! Да задержите же его...

Меня крепко взяло сразу несколько мужских рук... В стороне нервно расхаживал Меле-шейтан.

– Пустите его! – злобно говорил Меле. – Пустите! Мне даже интересно посмотреть, что он еще выкинет... Думаешь, тебя здесь кто-то испугался?.. Богатырь, джигит, дерьмо сопливое!

Однако этого ему показалось мало. Он обозвал меня еще сосунком и даже специально расширил ноздри, словно хотел поймать запах молока. Но меня не так легко теперь было сбить.

– Говори-говори. Все равно ветер еще поиграет пеплом твоего дома. Так что спи спокойно – однажды ночью это как раз и случится... И запомни! Если твоя тухлая собака посмеет еще хоть раз твякнуть мою гелнедже, тогда уж не жди от меня добра! – Так кричал я ему, не думая сдаваться, совсем не обращая внимания на то, что здесь же стоит его могущественный друг Язмухамед ага.

И тут сквозь народ, тяжело опираясь на клюку, ко мне протиснулся Донлы ага. Он крепко взял меня за руку, заговорил сердито, ни на кого не глядя:

– Ты должен слушать меня, сынок, должен. Ведь я единственный старый чурбан, который остался в вашем роду. Я еще с дедом твоим играл. Мы росли вместе... Прошу тебя, поостынь немного. И не спеши пока – ни со словами, ни с делами. А долг, люди правильно говорят, он должен быть оплочен. И притом с лихвой! Если ты сегодня получил оплеуху, то завтра обязательно вернешь ее хозяину – тут он может не беспокоиться... Ты вернешь его оплеуху и еще одну прибавишь. Верно, сынок?... – Донлы ага окинул взглядом примолкшую толпу. – Вот только вернуться домой его старшие... И к вам ко всем, и ко мне – пусть бы только вернулись наши солдаты. Тогда жизнь пойдет совсем по другому... А? Меле-шейтан? Ты не думал об этом?

Толпа по-прежнему напряженно молчала. И было непонятно, то ли они осуждали моего обидчика, то ли просто боялись и, как говорится, держали язык за зубами... Я продолжал чувствовать на себе десятки глаз. Люди следили за каждым моим движением: что же он сделает, этот странный непокорный Язлы.

Я усмехнулся:

– Ладно, пока живи, жалкий Шейтан. Но не забудь: должок за мной! – тут я опять посмотрел на Меле-шейтана. Он стоял, отряхивая свой, поднятый с земли, тельпек.

А председатель так и не проронил ни слова, все стоял в своей обычной позе, держа руки за спиной.

Мы с Донлы ага пошли прочь от толпы по направлению к нашему дому. И тут мне стало ясно: старик доволен тем, что случилось сегодня.

– А ведь я думал, что все настоящие парни ушли сражаться в Русию, – он усмехнулся. – Нет! Слава богу, не истребим род смелых. Долго живи, сынок! Долго живи! – Он смотрел на меня и серьезно, и с улыбкой. – По-моему, нагнал ты страху на этого Шейтана. Ей-богу, нагнал!

Возле дома меня встретила старшая гелнедже, и в ее глазах я прочитал совсем иное. Гелнедже, по-видимому, уже давно ждала меня здесь. И готова была многое мне сказать. Но не сказала ничего. Ведь это я остался здесь за старшего, и она решила смолчать.

Вот мама, уж она бы отвела душу. Уж она бы объяснила мне, уж она бы вдоволь меня побранила!

“Я так думаю, ты совсем спятил, милый мой! Да и что он тебе такое сделал? Да и как ты додумался тягаться с таким человеком? Да за него сам председатель... Ты понимаешь, что я тебе говорю? Председатель! Еще немного и никто с нами здороваться не будет. Забыл поговорку? “Кто думает, что по силе равен льву, тот просто глупец!»

Но старшая гелнедже ничего подобного не сказала мне. Постояв еще немного, она ушла в дом и вынесла нарядную рубаху моего старшего брата Агамурада. Рубашка эта была совсем новая, брат, быть может, надевал ее раз или два... Я кое-как снял те лохмотья, которые остались от моей собственной рубахи.

– Да, переоденься, – спокойно кивнула гелнедже. – А потом надо позвать Юсика. Пусть он тебе помочится на укушенную руку...

Я, конечно, знал это средство бабушкиной “медицины». Считалось, что так лучше заживает – якобы получается дезинфекция... Йод в те годы казался нам чем-то почти недоступным. А многие туркмены и вовсе не знали его.

Я согласился на “операцию», предложенную гелнедже, потому что мне хотелось понять, как все-таки она относится к моему поступку.

Но ничто внешне не изменилось в ней. Лицо как и всегда спокойное, ясное. Движения неспешны и в то же время очень точны... Уж такова она была, моя старшая гелнедже. Не умела она – и не старалась уметь! – так весело и громко и в то же время так мягко рассмеяться, как это могла Айсона гелнедже. Не умела вдруг пойти на откровенность. Она говорила немного и всегда правильно. Детей воспитывала в строгости.

Приходившие к маме поболтать старые женщины очень хвалили старшую гелнедже: “Ведь вот, смотри, какая: голоса не повысит, а все ее слушают...».

Никогда я не знал, что же на самом деле волнует ее в данную секунду... Вот она вышла во двор, что-то там хлопоча по хозяйству. И заметила, что Юсик до сих пор не выполнил своих “врачебных обязанностей». Остановилась, словно это и было сейчас самым главным делом ее жизни:

– Юсик! Я ведь уже звала тебя..., Юсик!

Он выскочил из-за дома – веселый, маленький. Заговорил, как всегда, смешно перебирая слова. Он надеялся, что мать покатает его на ишаке.

– На ишаке после, – очень спокойно остановила его моя старшая гелнедже. – Твой дядя тут совершил героический подвиг... Сделай-ка ему на руку пис-пис... – наконец-то она позволила себе хоть единую усмешку...

Для Юсика этот приказ был полной неожиданностью. Он-то мчал, надеялся на ишаке прокатиться и вдруг!

– Ну, верблюжонок, сделай, что я тебе говорю, – это старшая гелнедже произнесла со всей возможной для себя мягкостью. Юсик и застеснялся, и расстроился:

– Не хочу я сейчас... – и надулся.

– Нет! Ну это я просто не знаю, что такое! – строго и спокойно сказала гелнедже. – Когда надо, у него даже мочи не допросишься... Стыдно ему, видите ли! Хотелось бы узнать, что у тебя там такое невиданное спрятано? – она взяла сына за плечи, тряхнула легонько: -Ну-ка делай, что тебе говорят!

И понял Юсик, никуда ему не деться. Пришлось исполнять приказ матери...

Когда над моими ранами, которые уже начинали саднить и зудеть была произведена эта, так сказать, операция, я поскорей стал собираться в поле, где сейчас моя младшая гелнедже и Сарагыз, если уж быть честным, просто работали за меня.

Я посадил на ишака Юсика и его сестренку, прокатил их до края села. И так приятно мне смотреть на их простую радость, таким взрослым я чувствовал себя в эти минуты... Вот они прыгнули на землю и остановились, ожидая, что же я им скажу. И тогда я обещал, что в другой раз, когда буду менее занят своими очень важными делами, я прокачу их намного дальше. И с тем велел отправляться домой.

Я ехал и думал обо всем происшедшем. И странно, не знаю, что такое случилось со мной. Я вспоминал слова Донлы ага. Еще час назад они прямо-таки впивались мне в душу. Теперь я мог вспоминать о них совершенно спокойно.

Я думал о братьях, старался взглядеться в их лица... сколько, конечно, позволяла мне память. И братья, казалось, теперь смотрели на меня – словно с признательностью.

Я слушал спокойный стук моего сердца... И вдруг подумал неожиданно, что вот так же спокойно бегут воды нашего родного Мургаба... Мне было удивительно хорошо сейчас, я был спокоен и уверен в себе.

У

Бригадир заметил, что воды в арыке стало меньше. Недолго размышляя над причинами, он решил, что все дело в камышах, водорослях и прочей растительности. Нам был отдан приказ расчистить арык.

За несколько дней до этого я нашел на дороге хороший плоский камень, почти что брусок. Мы как следует наточили серпы и – делать нечего! – полезли в воду.

Было раннее утро, но вода оказалась совсем не холодной, чего я по правде говоря, здорово побаивался. Наоборот, в воде было очень приятно. Я даже подумал: «Как под одеялом». И невольно усмехнулся этому странному сравнению.

Сперва мы долго не разговаривали, а только работали да работали. Даже Сарагыз не изрекла ни одной из своих шуточек про «начальника».

Серпы ударили в лад, в такт, получалось у нас хорошо и споро. Наверное до самого обеда мы так и проработали бы молча, если бы вдруг... мимо нас не проплыл уж! Он держал в зубах пойманную лягушку. Головка его торчала из воды и была очень похожа на воткнутую в дно палку. Но мы-то слишком хорошо знали, что это не палка!

Работа сразу разладилась. И хотя уж через несколько секунд исчез, Сарагыз и гелнедже поскорей выбрались на берег. Они решили резать камыш с берега, а это, конечно, неудобно. Мне же ничего иного не оставалось, как только быть мужчиной. И я сказал им как можно спокойнее и храбрее:

– Да что он сделал?.. Ужи ведь не кусаются!

А самому, признаться, было сильно не по себе. Да ведь не трусить же!

И я немедленно стал думать о том, какие они обе слабые, в сущности, создания. И какой я – ого-го! – мужчина. Да пусть из этого несчастного арыка вынырнет любая змея... Даже сам дракон, я его... И тут же замечал, что трусливо жду: вот сейчас меня тяпнет за ногу такая с виду совсем безобидная змейка...

Но у змей, слава богу, достаточно благоразумия. И они отлично понимают, что укус не остается безнаказанным, и острый серп хорошо умеет резать не только камыш!

Я повернулся к женщинам своим, чтобы сказать им, чтобы они почувствовали, какой я...
Передо мной стояла Сарагыз! Мокрое платье так ясно, так броско и привлекательно облепило всю ее – я не мог вымолвить ни слова.

Острая грудь – и девичья, и женская одновременно, и гибкая талия, и прямые, изящного рисунка

плечи, и стройные ноги...

Не хочешь, да вспомнишь, что ты мужчина!

Переполненный приятными и острыми чувствами, которые трудно передать на словах и совсем не принято передавать на бумаге, я думать забыл, что стою по шею в воде, что еще минуту назад прямо перед моим носом проплыла змея...

Сарагыз! Всегда она казалась мне и грубоватой, и мужиковатой, с такими слишком размашистыми движениями и слишком громким разговором.

Теперь мне виделась прелестная девушка, быть может, чуть угловатая, которая вся была поглощена таким, к тому же бесконечно женским делом – она сосредоточенно искала обретенную заколку...

Машинально я перевел глаза на гелнедже...

Не знаю, уж наверное, я хотел сравнить их... Бедная гелнедже моя стояла, выкручивая подол... И мне стало нестерпимо стыдно! Захотелось, чтоб они поскорее ушли.

Стараясь, чтобы мой голос звучал как можно естественней, я проговорил:

– Гелнедже, да вы идите. Чего тут осталось-то?.. Несколько камышинок! Я сам это все сделаю... Идите, правда.

С этими словами я кивнул в сторону Сарагыз: мол, к тебе это тоже относится:

– Знаешь, – вдруг сказала она, – пойдем-ка лучше с нами, Язлы. А потом, когда эта гадость забудется... Пойдем! Пока можно заняться чем-нибудь другим... – и краем мысли Сарагыз не подозревала о том, что сейчас творилось у меня в душе.

А у меня действительно творилось! И я не как не мог взять себя в руки. И боялся, что они сейчас заметят все. И от этого волновался еще больше.

– А правда, пойдем отсюда все вместе! – гелнедже улыбнулась... Она, конечно, тоже ни о чем не могла подозревать! Само собой, я отправил их одних. И потом долго еще резал камыш, чтобы, говоря красивыми словами, обрести душевное равновесие.

Наконец, я расправился с последними камышинками. И, надо сказать, чувство большого облегчения я испытал, когда смог со спокойной совестью выбраться из воды. Ведь едва мне удалось изгнать из своей памяти образ Сарагыз, которая ищет потерянную заколку, как немедленно на ее место поселился образ... змеи, тихо подплывающей ко мне...

Какое-то время я еще посидел на берегу. Мне казалось, что прошло слишком мало времени, и я неминуемо нарвусь на ехидный вопрос: “Что это ты вдруг так быстро, начальник? Или все-таки страх взял тебя за шиворот, а?».

Чем выше поднималось солнце, тем, увы, короче становилась тень, в которой я устроился. Да и мошकारа, целой толпой собравшаяся возле коровьей лепешки, не давала мне отдохнуть по-человечески. Ладно, делать нечего. Я решил идти. Увидел Сарагыз и гелнедже. Они тоже сидели под кустом. И не слышали меня.

А я их отлично слышал и видел!

Конечно, в какой-то иной компании это было бы невозможно. А пока они оставались вдвоем, Сарагыз решила примерить бёрик моей гелнедже.

Гелнедже чувствовала себя неловко, стараясь взять бёрик, потому что нельзя, неудобно замужней женщине сидеть простоволосой. Так, видимо, она считала, моя милая гелнедже.

Сарагыз, нисколько не обращая на это внимания, делала вид, что она с кем-то кокетничает, посмеивается и жеманно поворачивала голову.

– Да отдай же ты! Вот глупенькая! – мягко улыбалась моя гелнедже. – Нашла о чем мечтать... Будто ступа на голову надета.

Сарагыз, однако, и не думала отдавать бёрик. Она рассматривала себя в осколочек зеркала и думала о том, как же она будет выглядеть, когда выйдет замуж. Она приглаживала на лбу волосы, старательно прихорашивалась. А когда нечаянно сдвинула бёрик набекрень, стала громко и счастливо хохотать.

А то вдруг поспешно прикладывала к губам конец платка, словно с кем-то стыдливо здоровалась – такая вся тихая и покорная. Гелнедже покачала головой. Я услышал в ее голосе и печаль, и участие:

– Не спеши ты, красавица, зря не спеши! Вот кончится война проклятая, вернутся настоящие парни... Тогда и твоя наступит пора! Гелнедже опять покачала головой, но уже по-другому, как-то особенно задумчиво. – Придут они, скажут: “А ну-ка, хватит. Становитесь опять женщинами. Давайте сюда ваши серпы и лопаты. Вспоминайте, как детей рожать, как пеленки-распашонки стирать...».

Сарагыз с надеждой и недоверием посмотрела на нее. Хотела сказать что-то, но остановилась. Взяла обычный свой иронический тон:

– Ну уж ты наговоришь, прямо дальше ехать некуда: лежи, обнимайся, ешь да наряжайся. Больше женщине и заняться будет нечем?

– А ты потерпи, потерпи немного... У тебя все хорошее еще впереди!

– А ты слыхала, Айсона! Говорят, позавчера эту несчастную старую деву... ну, господи, дочь этой плешивой Торлы, говорят, ее посватали!

Гелнедже ничего не ответила. Некоторое время они сидели молча, каждая думая о чем-то своем. И, наверное, очень разные это были мысли... Потом гелнедже подняла голову, обернулась в ту сторону, откуда я должен был прийти. Но за камышами она не могла рассмотреть меня. Наверное, и Сарагыз поняла, кого там могла высматривать моя гелнедже:

– А тебе здорово повезло с маленьким деверем! Вот я уверена, еще несколько лет, и он будет сильно девчонкам нравиться!.. Вообще хороший паренек.

– Только, может, немного горячий... – разговор обо мне осторожная гелнедже начала с упоминания недостатка, чтобы не сглазить. – А вообще – да: он очень хороший, не лентяй какой-нибудь бесполезный. Какая ни появится работа, он первый! А уж потом разбирается, хватит силенок или не хватит... А ведь знаешь, когда я пришла к ним в дом, я буквально в ужас пришла – до того он был избалован: ну, думаю, ничего хорошего из этого мальчишки не получится. А Довлет мне говорит: “Не думай так! Просто Язлы – широкая натура, ему до всего есть дело. Вот он и кажется таким... ну, неуравновешанным, что ли... Запомни, есть примета: из таких вырастают вожди!». Довлет очень гордился им!

Наверное, гелнедже еще что-то хотела сказать и вспомнить о Довлете, но Сарагыз нетерпеливо перебила ее:

– Какое мне дело до твоих прошлых сомнений? Я знаю наверняка: Меле-шейтану он отвесил в полную меру! Говорят, Меле на следующий день даже ходил к Акжемал... ну, к знахарке нашей... Да, правда! – Сарагыз засмеялась. – Сердце свое показывал. Видать, прилично он перепугался. Акжемал так ему и сказала, между прочим. У тебя, говорит, сердце ушло с положенного места! Даже, будто камнем его била по пяткам, чтобы сердце вернулось обратно... Ты представляешь? – тут она не выдержала и снова расхохоталась. А потом продолжала серьезно: – Говорят, Донлы ага едва сумел унять мальчишку... сам Донлы ага... а не то бы сгореть дому Меле-шейтана, – она прищурилась.

– И думаю, немало народу с удовольствием погрелось бы у этого огня! Н-да... А Шейтан всю ночь глаз не смыкал: все ходил вокруг дома... А потом будто говорил, что не отдать ли Язлы на фронт. Ростом, мол, он вполне подходит, годков приписать. А там в суматохе, в неразберихе, глядишь, не заметят...

VI

Была ночь. Вдруг кто-то тронул меня и потом потряс за плечо. Я открыл глаза – надо мной склонилась старшая гелнедже.

Когда вчера вечером я вернулся с поля, дома ее не было. Младшая гелнедже, сидя на кровати, гладила спинку Юсупу, чтобы он поскорее и поспокойней уснул.

Я знал, что уже второй день старшая гелнедже и наша соседка Огулназ эдже, сменяя друг друга, ухаживают за дядюшкой Донлы ага.

Старику вдруг сделалось плохо, у него отнялся язык. Уже второй день, придя с работы и спросив, как там дела у Донлы ага, я получал один и тот же ответ: «Все то же самое пока...».

Я шел посидеть с ним немного и видел, что сил у Донлы ага осталось совсем мало – вряд ли ему дождаться возвращения Гега, единственного своего сына...

Шепотом, чтоб никого не разбудить, гелнедже сказала мне, что сейчас старик совсем уж плох... Голос ее дрожал... – и все смотрит на дверь... Все ждет!

Уже на улице, коротко поговорив, мы решили, что мне поскорей надо идти в соседнее село – там жила сестра дядюшки Донлы.

Я шел и думал о нем, о необыкновенном этом человеке. Но мысли мои были невеселы!

Потом, однако, я стал вспоминать его рассказы о легендарном Гёроглы, нашем великом герое. О его сорока юношах...

Мне во время этих рассказов нет-нет да и начинало казаться, что Донлы ага был одним из тех сорока. Уж очень живыми были его рассказы. Уж очень удивительные и точные подробности он приводил... Словно вспоминал! Нет, думалось мне, не может этого быть просто так! Он сам все видел и сам все пережил, когда стремя в стремя с Гёроглы гулял по белу свету.

Слушая удивительные эти рассказы, я тоже невольно начинал думать, что нахожусь в отряде Гёроглы, что подо мной пронзительно ржет горячий конь, и я вместе с другими воинами иду в бой, и отступают отряды жестокого и кровавого царя Хункара...

Но Донлы ага умел не только красиво рассказывать!

Однажды я поехал в город... не помню уж теперь в точности, что там было – какой-то праздник. И Донлы ага дал мне свой чудесный тельпек. Действительно чудесный – завитки были красивые, длинные. В городе на меня не раз оборачивались – уж очень здорово смотрелась у меня на голове эта папаха...

Но даже не сам тельпек больше всего запомнился мне, а то, как старик дал его. Когда я пришел к дядюшке Донлы и, запинаясь, стал просить его о тельпеке, старик просто откинул крышку сундука, достал эту весьма дорогую вещь, молча протянул мне. А ведь кто я был тогда? Мальчишка и не более!

Когда мы с сестрой дядюшки Донлы пришли, наконец, в наше село, все уже случилось.

К дому старика сходилась народ. В стороне было привязано несколько ишаков. Женщины в траурных своих накидках, словно тени, двигались меж домом, где лежал бедный Донлы ага, и камышовой пристройкой.

Уже явились и увечный Абдулла, и Гурт ага – наши милисе: негласные, но и неизменные исполнители всех обязательных обрядов. Тут же я увидел Сапара и Черкеза, которые – тоже, исполняя давно отведенную им в селе роль – заголосили, затянули мужские причитания, отдавая усопшему последнюю дань...

Когда выносили тело дядюшки Донлы, старики и за ними все окружающие посетовали, что не успел Гег проститься с отцом... Но кто же возьмется за переднюю правую ручку погребальных носилок?

Так уж случилось, что в нашем роду сердаров я остался самым старшим, а вернее, самым... представительным, что ли... Был еще Тойли – и мой ровесник, и тоже из сердаров. Но о нем, по-моему, в тот момент даже никто не подумал. Когда тяжесть носилок легла на мое плечо, я задрожал и колени мои на мгновенье подогнулись, словно я нес носилку один...

Тяжесть... Невозможно было поверить, что никогда больше Донлы ага не подъедет к нашему полю за своей вязанкой травы. И никогда я не услышу его удивительных рассказов. И никогда... Сколько же всего безвозвратно исчезло теперь!

Когда мы пришли на место, из ямы выбрался запыленный усталый человек. Отошел в сторону, спросил, оперевшись на лопату:

– Кто из сердаров хочет войти туда и посмотреть?

– Это – слова традиционные, положенные по обряду. Я глянул налево, направо... Но здесь никого не было из нашего рода, никого, кроме меня!

И невольно я вспомнил, как раньше многочисленен был наш род. Уже обязательно несколько голосов откликнулись бы на слова могильщика. Но все сердары были на фронте, далеко отсюда, очень далеко... Там, где кровью и жизнью они решали судьбу своей великой родины. И виделось мне, какой яростью и святой мстостью блестели сейчас их глаза...

Не очень понимая, что от меня требуют, я шагнул к яме. Но тут Гурт-милисе жестом остановил меня... Затем он спустился в яму, лег там, вытянувшись во весь рост – проверил достаточно ли просторна будет могила для мертвеца!

У меня перехватило дыхание, я вздрогнул и замер, словно на меня обрушился поток ледяной воды... Так, значит, вот что я должен был сделать! Почувствовал, как слезы подступили к глазам. И чтобы никто этого не увидел, я поднял голову, стал смотреть на белые неподвижные и такие спокойные гряды облаков.

VII

Председатель вызвал меня в контору – сразу тревожно и тоскливо сделалось на душе. Ничего хорошего ждать мне не приходилось... Ткнул в бороздку лопату, пошел к арыку, смыл землю, налипшую на босые ноги... Что ж, все ясно: председатель решил рассчитаться со мной за дружка!

Я знал, что когда-нибудь это все равно должно было случиться. Знал и ждал. И думал даже, что меня позовут сразу, на следующий день, после того случая с Меле-шейтаном. Но председатель, как говорится, имел терпение! Наверное, хотел дождаться какого-нибудь моего проступка на работе. А может, думал, что я однажды ночью заберусь в колхозный харман, чтобы украсть зерна... Но ведь Язмухамед ага не лишил нас доли, которую колхоз выдал ежедневно на каждого члена семьи. Значит?.. А так ли уж все плохо, как мне кажется?

И однако, когда я входил в контору, сердце мое билось; словно я взбежал на гору, а ноги просто не шли в председательский кабинет. Чтобы хоть немного успокоиться и не выглядеть трусом, я стал прохаживаться около дверей кабинета. Вдруг оттуда вышла женщина вся в слезах, и я подумал: «Наверное, с фронта пришли для нее плохие вести!».

Пора и мне было узнать свою судьбу. Я вошел в кабинет, сел на стул, стоящий у самой двери. Не очень смело огляделся вокруг... Моего прихода никто будто и не заметил. Лишь Сумсар-вага. И показалось мне, что он засуетился. Он почесал карандашом свое толстое лицо, затем вознамерился сунуть карандаш в рот, словно это был мундштук, но не сунул и, в конце концов, заложил карандаш за ухо.

То, что происходило в кабинете, не было ни заседанием, ни простым человеческим разговором... У стола, покрытого красным бархатом, стояла женщина – загорелая, в домотканном выцветшем на солнце платье. Стояла она, опустив голову, вся красная.

А за столом сидели председатель Язмухамед, два его дружка и пузатый бригадир Аяз. Лицо председателя было каким-то осунувшимся, словно после болезни. А прекрасная его папаха сползала на глаза, как будто сделалась велика...

Меле-шейтан, зло и подозрительно выкатив глаза, допрашивал женщину... По-видимому, она перед этим рассказывала о своей болезни, потому что Меле-шейтан орал:

– Брось, слушай! Болезням нечего делать около тебя. Ты же здоровей любой собаки!

После этого «сравнения», женщина вся сжалась. И хотела что-то ответить, и побаивалась. Но потом, по-видимому, она решила, что молчащий, как говорится, все победит. И продолжала стоять, опустив голову, не отвечая на крики. И тут в разговор вмешался Сумсар-вага.

– Эй, Патма! – закричал он, размахивая руками. – Что ты застыла, как обьевшаяся корова?.. Промычи хоть что-нибудь.

Этого женщина уже не смогла стерпеть:

– Твоя мать – обьевшаяся корова! И твоя сестра с двумя детьми, от которой ушел муж, – обьевшаяся корова!

– А ну заткнись!

– Нет не заткнусь! Рябой..., чтоб земля тебя проглотила. Я-то живу на своей земле, у себя дома, и меня не заставит молчать всякий пришлый, отец которого появился здесь, как раб в торбе коня!

Это последнее относилось уже не к сестре и даже не к матери Сумсар вага, а к его отцу!

Глядя на эту женщину, я и сам воспрял духом! Ведь еще минуту назад она стояла такая вся напуганная и покорная, а теперь... И я от души порадовался за Патму. Вот нашлись же у нее сила и смелость, сумела себя защитить! А я как-никак мужчина!

Скандал этот, видно, надоел председателю. Он медленно поднял голову, глянул на женщину, которая вся так и тряслась от гнева.

– Ну хватит, Патма, ступай домой... Ступай, ступай... И не надо обижаться на каждое слово. До обеда сделай, что там надо по дому. А потом будь на рабочем месте. Все!

Когда Патма вышла, сидящие за столом громко расхохотались. И даже полные губы Язмухамеда ага изобразили улыбку. Сумсар-вага, хохотавший старательней всех, вытер слезы. И будто ничего и не произошло, стал в миг серьезен, принялся ощупывать меня пристальным и совсем недобрый взглядом...

Меле-шейтан делал вид, что вообще никого не замечает. Но он меня замечал! Зубы его стучали от волнения. Меле поерзал на стуле, прокашлялся... А я подумал о его выпуклых мутных глазах, которые уже через несколько мгновений тоже вцепятся в меня.

И тут вдруг мне самому захотелось посмотреть ему в глаза. Посмотреть, подмигнуть и улыбнуться: мол, что, мечтаешь мне отомстить, а, Шейтан?.. Так попробуй, может, что и получится!

Такое желание подсмеяться над взрослыми обидчиками было у меня не впервые. Помните, я просто мечтал устроить какую-нибудь каверзу Ахмеду ага, который всегда больно брил мне голову. И вот однажды я увидел его, сладко спящим в тени. До чего же мне захотелось отхватить хороший клочок из его бороды. И мне стоило большого труда удержать себя от этого.

Но теперь все было по-другому, и речь шла не о детских шуточках...

Язмухамед ага, пробежав взглядом по ряду пустых стульев, наконец, нашел меня. Некоторое время молча оглядывал, словно собирался обмерить или взвесить меня этим своим взглядом. Спросил хрипловато:

– Ну так что, начальник? Пришел?

Я промолчал. Язмухамед ага ведь и сам видел, кто стоит перед ним.

– А как, интересно, дела у твоего хлопчатника?

– Нормально вроде, – ответил я как можно спокойнее. – Стараемся, чтобы он никогда не испытывал жажды.

Председатель кивнул:

– Нельзя, чтобы у хлопчатника была жажда... – помолчал секунду. Да, кстати. Ты что же не шел за чарыками, которые я тебе разрешил взять в прошлый раз?

Я не знал, что и ответить! Язмухамед ага чуть повернулся в сторону Сумсара вага:

– Так ты принес?

– Да-а... Они здесь...

– Ну так неси, неси!

Сумсар-вага поднялся, высокий не очень какой-то складный, ушел в соседнюю комнату. И возвратился... с тремя парами чарыков! Молча протянул их мне...

С большим нетерпением я ждал того момента, когда председатель разрешит уйти! А про историю на дворе у Меле-шейтана будто бы все и забыли. Ни слова не сказали мне об этом.

Я вышел, прикрыл дверь и остановился – ждал, что сейчас раздастся их хохот. Но никто не засмеялся... А я все никак поверить не мог, что меня специально вызвали в контору вручить сыромятные чарыки!

VIII

Это случилось спустя несколько недель. В тот день я поздно вернулся домой. Старшая гелнедже сидела, привалившись к стене, с маленьким Юсупом на руках. Рядом, словно крохотный воробышек, спала ее дочка.

Наверное, гелнедже только что перестала плакать. В тусклом свете керосиновой лампы я видел ее измученное лицо, припухшие от слез веки.

Быть может, невестки посорились из-за чего-нибудь?..

Юсик поднялся с материнских рук. Потом радостно подбежал ко мне, повис на шее:

– Дядя Язлы, дядя Язлы! А к нам дед бородатый приходил!

– Когда? Какой дед? – Я погладил Юсика по голове.

– Не знаю, какой... Они с моей гелнедже выходили во двор, вон туда. А мама начала плакать! И гелнедже плакала, а потом начала меня целовать...

– Ее отец забрал, – тихо сказала старшая гелнедже и заплакала.

Только что уехали. Наверное, еще не добрались и до края села. Она попробовала встать и не смогла. Слезы лились из ее глаз. Я еще продолжал держать Юсика:

– Но как же так?

И не стал дожидаться ответа на свой пустой вопрос, выбежал из дому... Гелнедже что-то крикнула мне вслед – я уже не услышал, не успел услышать.

За селом, по дороге неспешно скрипела арба, которую тянул ишак. В свете яркой, как лампа, луны, я сразу увидел, что эта арба увозит мою гелнедже!

– Э! Гелнедже! Гелнедже!

Голос мой, будто волнами, прокатился по залитой желтым светом окрестности... Мирное поскрипывание прекратилось, арба стала. Я подбежал, бормоча что-то, почти не слыша себя. Положил голову на туфли своей гелнедже.

Наконец, я услышал, что твержу одни и те же слова:

– Не покидай нас, гелнедже! Прощу тебя! Останься, останься, гелнедже! – И понял: надо сказать что-то – самое важное...

– Ведь он вернется, ты сама увидишь! Вернется! Вон про дядю Айлы тоже пришло письмо... А он вернулся! Ты же знаешь!

Гелнедже моя, не смея вымолвить ни слова, беззвучно рыдала, упав лицом на узел с вещами. Обнимая ее туфли, я чувствовал, как она содрогается всем телом.

Управлявший арбой пожилой человек с окладистой бородой спустился на землю, подошел ко мне, стал говорить что-то спокойное, вежливое, утешительное. Но все это, действительно, были только утешения...

Я хорошо знал его. До войны он часто приезжал к нам. Они любили с отцом попить чайку да потолковать. Сядут на кошме под шелковицей и говорят. И много я узнал от него интересного... Моей почетной обязанностью было подносить им угощение и чай с очага.

И я отлично помню тот день, когда мы с мамой наведались к ним – сказать словечко насчет их дочери... И как после ее привезли в наш дом. И помню веселую суматоху свадебного поезда... Ах, какую же хорошую свадьбу тогда сыграли! И мальчишки, сорвав с мамы головной убор, смеялись и бросали его в воздух...

– Ты не плачь, сынок. Не надо плакать... Бог даст, твой брат и вернется. И ты прискачешь к нам за подарком – раз принес такую радостную весть. Тогда – забирай назад свою гелнедже! А то я и сам ее привезу: разве так уж далеко от вас до нашего села?..

Еще он добавил, что я – старший в доме и, значит, должен мужаться. Но никакие слова его не помогали. Словно я оглох!

И тогда старик просто тронул арбу. А я остался на пустой дороге, все так же плача и видя сквозь слезы, как уезжает моя гелнедже... Затем вдруг кто-то схватил меня за сердце и дернул в сторону, и я побежал, сам не зная куда.

Широко раскинулось хлопковое поле, молчаливые, высвеченные луною холмы стояли поодаль. Я будто ничего не замечал. Я лежал, уткнувшись лицом в землю, плакал, пока не кончились слезы!

А телега, увозившая мою гелнедже, все ехала сейчас где-то, да ехала. И скрипела она все так же мерно и спокойно...

И теперь я был рад, что ноги мои принесли меня сюда... Нехорошо было бы идти домой таким, каким я был еще час назад. Прав был старик: я должен мужаться. И мое ли это дело расстраивать старшую гелнедже, которая и так уж расстроена, пугать детишек...

Было уже далеко за полночь. Домашние... я надеялся, что они теперь спят. Спустился к арыку, тихо бегущему в низине среди холмов, умылся и спрятанный ото всех темнотою пошел домой.

IX

Еще прошло несколько месяцев. В колхозе уже заканчивали собирать хлопок... А мне как раз не повезло: грузил на арбу тяжелые тюки, оступился, упал и... теперь лежал со сломанной ногой. Было мне грустно, одиноко. Белый свет мог я видеть только через окно.

Хорошо хоть дома были дети моей гелнедже! Так приятно было слушать их важную болтавню... Или я сажал их рядом и начинал рассказывать сказки.

Было у меня и такое развлечение – может, правда, не очень взрослое: я любил их чем-нибудь раззадорить, а потом сразу начинал мириться. Это было мне совсем несложно. Я давал им какое-нибудь обещание. Ну, например: что как только выздоровлю, то пойду в заросли за село и принесу им живого шакаленка.

Сейчас же они забывали обиду. Глаза загорались отчаянным, почти мучительным любопытством. На меня обрушивалось столько вопросов, и мне приходилось рассказывать такие подробности, что шакаленок, пойманный нашим воображением, был даже еще живее и лучше настоящего!

Но всего интереснее и смешней было наблюдать, как они крутились около возвратившейся с работы матери. Гелнедже хлопотала по хозяйству, а ребята, соскучившись, ходили за ней хвостиком. Но талдычили, конечно, свое:

– Мам, купи нам ляльку... Вон, соседи-то себе купили! А я тоже хочу такую поняньчить!.. Ага! Какой хитрый нашелся, я сама буду нянчить... Нет я!.. Нет я!

И начиналась совершенно серьезная ссора с совершенно серьезными слезами из-за несуществующей «ляльки». Старшая гелнедже чаще всего приходила усталая. И у нее уже сил не было разбираться в этих спорах. Она лишь старалась как можно больше успеть по хозяйству, а ребятам... ответит разок-другой невпопад. А то и вовсе – прикрикнет строго:

– Ну-ка, ступайте отсюда... горе мое! И без «ляльки»-то голова кругом...

Часто целые ночи напролет я не мог заснуть... Без работы, вообще без всякого дела я особенно сильно тосковал по старшим братьям, по отцу. Иной раз я так ясно представлял, что вот они все собрались... и тогда чувствовал себя по-настоящему счастливым... и глубоко несчастным: ведь их не было на самом деле!

Но, может, тяжелее всего то, что младшая гелнедже поверила: погиб наш Довлет! Поверила в то, во что я верить не собирался.

Да и еще много было всего, что не давало покоя. Меле-шейтан и Сумсар-вага частенько приходили ко мне этими бессонными, одинокими ночами. Опять меня охватывали злость и презрение. Уж скорее я какого-нибудь пса шелудивого назвал бы своим лучшим другом, чем изменил отношение к этим людям!

Не хотелось мне считать в их компании председателя Язмухамеда ага. Но, с другой стороны, я понять не мог, почему эти два жулика творят в колхозе все, что им захочется? А председатель молчит!

Что это значит?

Да нет, видно, тут дело тоже нечисто!

О, как же сильно хотелось мне приблизить тот момент, когда отец и братья вернуться с войны. И мы свяжем этих двух проходимцев да выдерем на глазах у всего села!

И еще, как ни странно, я радовался, что их не взяли на фронт. Потому что был уверен: они бы непременно перебежали к врагу! Это уж точно...

Иногда ко мне заглядывали Сарагыз и ее мать, тетя Нурбиби... Сарагыз, конечно, тут же начинала шутить, что мол, это я все притворяюсь, ничего у меня не сломано, а я просто лежу да коплю силы, чтоб как следует отлупить Меле-шейтана. И еще, «раскрывая большую врачебную тайну», она советовала мне забыть о красивых девушках и побольше есть дынь.

Но после их ухода я опять оставался один... Во второй половине дня было особенно душно. Это тянулось долго, до самой поздней ночи, и лишь потом пробежал ветерок, становилось немного прохладней.

Вот и в тот вечер была духота. Я лежал, глядя, как старшая гелнедже при свете керосиновой лампы латает Юсиковы штанишки. Наконец, и она потушила лампу, поставила ее на обычное место – в углу, подальше от дверей, чтобы никто не опрокинул в темноте...

Прилетел долгожданный ветерок, сделалось прохладнее. Ребята, до того метавшиеся во сне, теперь успокоились... А я все не спал, словно чего-то ожидая. Так захотелось мне на залитый луною двор, так захотелось уйти за село и глянуть на те прекрасные холмы и дали, которые я так любил. Хотелось сидеть среди лунного свечения и вспоминать, вспоминать – отца, маму, братьев, дядюшку Донлы ага. Всех, кто ушел на фронт, кто бил сейчас врага, кто вернется и кому уже никогда не суждено вернуться...

И потом уснуть. И тогда, казалось, сон мой будет спокоен и счастлив, как бывал только до войны... в детстве...

И вот задремал, наконец... Я увидел небо и луну, которая делалась все меньше и меньше, словно куда-то улетающая...

– Язлы!.. – Я решил, что и этот голос мне только снится...

– Язлы! Нет, он был настоящим!

Особенно я в этом убедился, когда окликнули мою гелнедже!

Причем голос звучал как-то сдавленно, хрипло... Нет, я больше не спал!

В голове поднимались мысли, одна мрачнее другой...

Наконец-то мне все стало ясно!

Меле-шейтан, наверное, к ней подбирался...

Тихо я нащупал крепкую палку, служившую мне костылем, кое-как приподнялся, пополз среди темноты... Проснулась и, видимо, вскочила со своего места гелнедже, пробормотала что-то испуганным голосом... Что-то упало на пол... Не помню уж как я добрался до выхода. Перехватил поудобнее палку. Решительным ударом распахнул обе дверные створки. Сразу лунный свет легко и вольно наполнил наш дом.

– Язлы джан, браток!

Человек, словно явившийся на пороге вместе с этим светом, крепко обнял меня. И тогда только я несмело и радостно воскликнул:

– Агамурад! Потом я просто прижался к его просоленной потом гимнастерке и заплакал, как маленький.

Теперь я это мог, имел право реветь в полный голос! Я нес свои обязанности старшего – как умел, изо всех сил. Но теперь – вот он стоит, улыбаясь, мой старший брат Агамурад, которого не было дома целых четыре года...

Да, теперь ты вернулся, Агамурад. И я плачу, потому что счастлив и потому что я опять младший.

О! Мне столько еще хотелось тебе рассказать...

Но странно, именно в эту минуту, все словно исчезло в памяти. И остались только глаза Нурли. Тот самый его взгляд, когда мы прощались... В то далекое мгновение он был мне так непонятен... И лишь теперь, все еще прижимаясь к брату, я понял этот взгляд:

Брат мой, место, которое тебе придется занять, оно так тяжело, что и не выговоришь. Это поклажа для инера». Взгляд Нурли и жалел меня, и просил быть мужчиной... Поклажа для инера... Лишь в ту ночь, когда вернулся мой старший брат, я со своих плеч передал поклажу ему и снова стал беззаботным мальчиком.

Перевод С.Иванова. 1978 год.

СЕМЬ ЗЕРЕН

Первое увольнение

Весенний день. Выйдя из зеленых ворот со звездами на створках, повернул к югу и пошел по тропинке, ведущей в город. Первое увольнение! Чем ближе подходил я к городу, тем шаги мои становились легче.

Первым делом сфотографироваться. Моя мать и жена просили в каждом письме: "... Пришли свое фото. Хочется поглядеть, каким ты стал солдатом». Получат и обрадуются. Я невольно улыбнулся. Говоря откровенно, мне и самому хотелось взглянуть на себя в десантной форме. Пока я сидел в фотоателье, низко висевшие над городом облака разверзлись. Прозрачные капельки ударились о стволы деревьев и по ним стекали на землю...

Смешавшись со степенными горожанами, брел я по городу и через часок-другой оказался на улице, вымощенной камнем. Эта узкая улочка вела на восточные окраины, дома встречались все реже, а затем и вовсе исчезли. Я и раньше знал, что там речка, огибающая город, будто пугливая лошадь, сторонящаяся опасности. И хотя мне ни разу не пришлось сидеть на ее берегу, я успел подружиться с ней. Мы часто проезжали на машине по мосту. Сейчас река потеряла летний вид: нет здесь шумного веселья, не видно девушек в купальниках, не снуют лодки вверх и вниз по течению. Но и тот скромный пейзаж, что предо мной, был мне мил.

Рыбачьи челны, привязанные к каменным кольям, слегка покачивались на воде. Я уселся в один из них и стал смотреть на воду да время от времени бросать камешки. Хорошо!..

Однако этот идиллический покой скоро кончился. Я полез в карман, где должна была лежать увольнительная, и не обнаружил ее. Проверил другие карманы – увольнительной нет. Вспотев от страха, выскочил я на берег и принялся обшаривать одежду, только что под собственную шкуру не смог заглянуть. Тщетно.

Оставалось одно – сматываться, и как можно скорее. Я выбрал улицу, начинающуюся у реки, укромную и тихую, куда вряд ли заглядывают патрули. Улица действительно была безлюдна, и вскоре я успокоился.

– Гвардеец! Десантник! Остановитесь! – Окрик прозвучал так резко и так неожиданно – поистине гром с ясного неба. Легко ступая, ко мне шел офицер в сопровождении двух солдат. Сейчас они потребуют мою увольнительную. Что делать?..

От страха не очень-то соображая, что делаю, я повернулся и пулей влетел в боковую улицу. Патрульные от неожиданности растерялись, и я выиграл кое-какое время, но радоваться было рано: лейтенант настигал меня.

– Что делать, что делать? – стучало в висках. – Позор! Поведут под конвоем! Ах, черт, кажется, я в тупик попал. На моем пути вырос многоэтажный дом.

Я ворвался в подъезд и стал толкаться в двери. Одна из них потдалась – и я оказался в комнате. За столом сидели трое и обедали. Увидев незваного гостя, в недоумении переглянулись и уставились на меня. Человек, сидевший во главе стола, приподнялся с места. Его лицо показалось мне знакомым, но вспомнить – откуда, я не смог. К тому же рядом с ним сидела очень интересная женщина: высокая грудь, пушистые волосы и удивление, с каким она разглядывала меня, поглотило мое внимание.

Под взглядом этих глаз я таял, точно лед под солнышком.

– Простите меня... – забормотал я, наконец, – если позволите, я задержусь здесь на несколько минут...

Тяжело переводя дыхание, я топтался у двери.

Человек во главе стола, словно поняв, от кого я убегаю, вдруг с места в карьер стал «чесать» меня, как свояка:

– Поумнеете вы когда-нибудь? Сами-то хоть понимаете, как ведете себя...

Но тут вторая женщина, постарше, видно, жена его, заступилась:

– Коля! Не нужно так... оставь.

Человек замолчал, заходил по комнате – руки за спину. И тут в подъезде забухали сапоги. По очереди стуча в двери, потруль спрашивал меня. Через секунды очередь дошла бы и до этой квартиры.

Девушка, обменявшись с матерью взглядом, встала и указала на смежную комнату:

– Идите туда!

Я не заставил себя просить. Девушка подала мне стул и положила перед мной кучу газет, а сама, взяв «Огонек», села напротив. Струи свежего воздуха, идущие от форточки, теребили ее волосы, доносили до меня аромат, похожий на запах знакомых цветов.

Однако я не забывал о событиях за дверью и чутко прислушивался.

И тут на глаза мне попала вещь, от которой снова бросило в жар; на спинке кресла висел офицерский китель. В тот же миг стало понятно, откуда знакомо мне лицо хозяина квартиры. Ни больше, ни меньше – вломился я к командиру нашего полка. Если бы он был в форме, я узнал бы его сразу. Непонятно, почему мне сейчас вспомнилось, что «старики» о командире рассказывали: в годы войны, будучи в чине старшего лейтенанта, он командовал батальоном. А командир дивизии, часто посещающий наш полк, в те годы был сержантом в его батальоне.

Ошарашенный своим «открытием» я боялся даже взглянуть на девушку, но тут вошла хозяйка, как ни в чем не бывало, стала рассказывать о своем племяннике, проходящем службу в Москве. Я невольно заслушался рассказом о таком же солдате, как сам. Уверен, что гражданский того не поймет.

Хозяйка показала и фотокарточку племянника – у красной стены Кремля стоял ефрейтор. Он улыбался мне, а я ему завидовал.

Беседа так увлекла, что на мгновение позабылось, где я... Но, уловив момент, мать и дочь поинтересовались, почему мне сегодня пришлось стать «зайцем». Я почувствовал, что дико краснею. Потом рассказал им подробно, от а» до я».

Мать и дочь попросили показать им военный билет и ушли с ним в смежную комнату. Возникшая при этом тишина подействовала на меня удручающе. Вытянув шею, я глянул в окно и увидел патрульных, ожидающих моего появления.

Вернулись женщины с моим билетом и – о чудо! – увольнительной. Я вспомнил, где «потерял» ее: под обложкой военного билета. Спрятал туда для надежности.

Беседа наша стала оживленнее. Выяснилось, что мы немного «земляки»: когда-то молодой лейтенант Тарасов прожил с семьей в моем родном крае целых два года.

Вспоминая о Бадхызе, о его холмах, покрытых алыми тюльпанами, мы становились все ближе друг другу. Я узнал, что женщину зовут Ниной Евстигнеевной, а девушку Таней. Нина Евстигнеевна, извинившись, ушла: дела домашние звали на кухню. Татьяна оказалась книголюбой, как и я, и не прочь была поспорить о книгах. Я бы мог сидеть здесь вечно, но надо было возвращаться в часть.

Поблагодарив хозяев за гостеприимство, я откланялся. При выходе из подъезда Таня догнала меня.

– Мне по пути с вами.

– Вот и хорошо. Вдвоем веселее.

– Моя подруга живет поблизости от вас. Мы с ней договорились пойти сегодня в кино. – «Небось какой-нибудь мужик с длинными волосами и гитарой ваша подруга», – подумал я.

Дождь уже не барабанил по черепичным крышам. С них на землю стекали последние струи, до краев наполняя выемки и колдобины. Возникшие многочисленные озера посте-

пенно подтачивали собственные берега. Мягкий ветерок нежно гладил все и всех. Он играл Татьяниними волосами, путал их на лбу.

– На меня нашло что-то – пишу и зачеркиваю, – сказала Таня. – А что вы пишете? Литературное произведение?

– “Дайте почитать, – попросил я шутливо.

– Нет, я просто записала несколько рассказов о происхождении городов и сел. А большую часть в моей тетради занимает происхождение имен. По-вашему, какое из девичьих имен самое лучшее?

– Язбегенч, – ответил я, непроизвольно назвав имя своей жены.

Больше вопросов не последовало. Таня лишь улыбнулась многозначительно. Между нами натянуло свой гамак молчание и стало раскачиваться вовсю.

Но вот и знакомые зеленые ворота. Мы остановились. Стояли и прислушивались к песням, доносившимся с территории полка.

– Получите следующую увольнительную – заходите к нам.

– Спасибо. Если судьба приведет... – сказал я неуверенно.

– Учтите: не придете – мы обидимся. Или напишите вот по этому адресу, когда получите увольнительную.

Взяв адрес, я попрощался с Таней, и сразу, будто и не был в увольнении, погрузился слухом в методичный стук сапог на плацу.

Земля, небо, земля.

– Рота-а-а, подъем! Тревога!

Эта команда раздалась между тремя и четырьмя ночи, когда сон особенно сладок. Раздирая уши, заскрежетали пружины коек. Парни вместо гимнастерки натягивали через голову брюки, ни у кого не вызывая смеха: каждый торопился и был занят своим делом.

Построив нас перед казармой, командир поспешил к парашютному складу. Грузовые машины раздвигали своим светом темноту, будто снег. Доставка парашютов к машинам – только бегом. Сон улетучился, вместо него над глазами дрожали теплые капельки пота.

Топот сапог напоминал сложные, шумные ритмы какой-то африканской мелодии. Нагруженные машины, не мешкая, отправлялись в путь.

...Перед рассветом мы уже были далеко от расположения своего полка. Сидя на влажной земле, ждали своей очереди на посадку в самолет. Парни, не любившие долго молчать, собрались вокруг Анопrienко, который, как всегда, повторял: “А знаете ли вы, что случилось потом?” – и, тем поддразнивая любопытство слушателей, начинал читать очередное “письмо» Миши:

“Маменька, твой Мишуля, отсыревший насквозь в этом дождевом краю, посылает тебе большой привет.

Мама! Прежде всего хочется сказать тебе о том, чтобы ты каждую полочку посылала мне десять-пятнадцать рублей, а хлопотать с посылкой тебе не надо. Если пришлешь деньги, этого будет вполне достаточно.

А со службой я теперь свыкся окончательно. Являюсь одним из гвардейцев десантной части. То и дело прыгаем с неба на землю. А внизу стоят леса и направляют в нашу сторону острые пики. При каждом прыжке мы теряем 3 кг 48 г собственного веса. Приступая к службе, я весил 78 кг. До сегодняшнего дня я совершил четырнадцать прыжков. Вычти, мамочка, потерянные в воздухе килограммы и узнаешь, сколько во мне осталось веса.

Мама, ты за меня не переживай. Теперь я один из командиров нашей части. Недавно мне присвоили чин ефрейтора. Гордись, маменька, гордись своим отпрыском. Вполне вероятно, что твоего Мишулю могут назначить командиром орудия... Мне предложили стать генералом, но я не захотел этого».

Ефрейтор Аноприенко был сама серьезность, а ребята смотрели на Мишу и покатывались со смеху. Миша смеялся вместе со всеми до слез. При этом его маленький курносый носик исчезал в толстых щеках.

Миша известен не только в нашей роте, но и во всем полку. Он не из тех, кто действует по принципу – чем дать растоптать свою честь, лучше душу предать огню. Никто не помнил, чтобы он вспылал из-за того, что его вышучивают, напротив, от каждой шутки он, кажется, больше других получал удовольствия. Неспроста же ефрейтор Аноприенко выбрал боксерской грушей именно его. Эти два солдата отличались друг от друга и внешностью и характерами. Мише лень слово вымолвить, а Аноприенко – записной болтун. Миша маленький и толстый – арбуз с ножками. Аноприенко – длинный и худой, мог бы на макушку ему поплевывать. Когда ребята видели их вместе, то говорили: “Идут Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

Похожий на аиста огромный самолет присел, вобрал нас в свое чрево и снова поднялся в воздух. Крюки парашютов мы нацепили на кольца, одетые в чехольники. Через иллюминатор была видна белая площадка под облаками. А мысли перешагнули порог родного дома... Вот братишка проснулся и трет кулаками глаза. Каждое его потешное движение вызывало когда-то радостный смех у всех в доме. Я вспомнил, как он неловко гонялся за курами, лепеча: “Садись, садись, моя курочка ряба, и снеси мне яичко...». Поиграть бы с ним в кто победит?!

Приближалось время прыжков. Как только раздалась команда “Приготовиться!», наш ряд, которому предстояло начинать, поднялся.

Я, как и остальные, встал, чуть согнувшись, ухватился правой рукой за кольцо, левую положил на запасной парашют и ждал команды.

– Пошел!..

Ребята посыпались в облака, словно горстями брошенная жареная кукуруза. Падая, я почувствовал, как меня пронзил холод. Ледяные капли с треском ударяли по лицу, попадали в глаза; редкие серебряные облака, одиноко скитавшиеся то там, то тут, окружили мой парашют, проникли в его шатер, дотрагивались до его натянутых строп, пытались увлечь его и меня куда-то в неизвестность.

Наконец приземлился. Внизу суматоха: освобождаясь от парашютов, ребята спешно собирались вокруг командира. Рота вступала в бой. Пришлось долго ползти по-пластунски. Время от времени доставали лопаты и окапывались. Место, называемое “логовом противника», забрасывалось гранатами. Путь преградили дымовые пояса, мы натянули противогазы и растворились в дыму...

В обеденный час все растянулись на траве и достали вещмешки. Потом перекур.

И тут мое внимание привлек Петя Нефедов, сидевший напротив. Его будто знобило, он дрожал всем телом. На одной ноге у него не было сапога.

– Петя, где твой сапог?

– Не знаю. Когда я прыгнул – свалился с ноги, а поискать его в этой спешке не успел.

– Да, неважно получилось...

– Взял сапоги на размер больше, чтобы теплее ногам было. Эх, будь они неладны! – ругнулся Петя.

– Достань теперь сапоги! – проворчал с упреком Бочков. Петя окрызнулся:

– Заткнись, Бочок. Погрызи лучше сухари, твоему желудку полезно.

Я достал из вещевого мешка запасные портянки. Бочков, хоть и надулся, принес древесную кору. Соорудил из нее подобие лаптя и приладил на ноге у Пети. Получилось как в поговорке: “Покуда доставят палки, пускай в ход кулаки».

Аноприенко, не переставая жевать, сочинял очередное письмо Миши, написанное им якобы девушке:

“Здравствуй, милая Катя. Увидев в газете твой портрет, я влюбился в тебя с первого взгляда, как говорится – с бухты-барахты. С тех пор стремлюсь я успокоиться, усиленно куря,

грызя сухарь, но ничего не получается. Я влюбился в тебя так глубоко – до самых почек, как Ромео в Джульетту. Каждый час я гляжу на твой портрет и поглаживаю его так же, как свой противогаз, только еще нежнее. А давеча перед боем ты даже приснилась мне. Твои жесткие волосы я гладил ладонью, но тут меня грубо разбудили щелчком в лоб. Оказывается, за твои волосы я принял усы Аноприенко».

Миша сидел, прислонившись к стволу дерева, затягивался сигаретой, шурил глаза на Аноприенко и улыбался. А я снова мысленно очутился в родных краях и видел круглое личико моей жены. Она вглядывалась в меня своими теплыми, ласковыми глазами и была такой же, как последний раз на вокзале. Она что-то шептала, и я догадался: «Со дня разлуки с тобой прошло 397 дней...»

Так она мне писала в письме.

Голос неумолчный

Раздался протяженный вопль. Наш взвод, пробирающийся лесом на стрельбище, остановился и прислушался.

Вопль доносился откуда-то справа из-за дубовых стволов. Временами он прерывался, и тогда слышалось чье-то тяжелое дыхание. За деревьями мы увидели корову, которую засасывало болото. Ее глаза, застывшие от ужаса, были круглы и огромны. Мы без слов приступили к делу. Наложили веток. Приволокли бревно. Аноприенко, измазанный черной глиной, отыскал коровий хвост, а Миша ухватился за рога.

Корова стронулась с места. Теперь можно было просунуть бревно ей под брюхо. Наконец, мы вытянули ее на твердую почву. Лейтенант, глянув на часы, заторопился:

– Задержались на тридцать пять минут. На стрельбище уже давно ждут нас, живее, живее!

Ребята, довольные сделанным, и без понуканья торопились. Аноприенко вновь нашел повод почесать язык:

– Товарищ лейтенант, если вы и на сей раз не накажете Мишу, будет несправедливо. Видели, как он присосался к коровьему вымени? Товарищ командир, накажите его. Накажите за то, что он высосал чужую долю молока. Он, товарищ лейтенант, ребенка-теленка обидел. Если не верите, посмотрите на его губы.

Мы взглянули на Мишу. В самом деле его губы были вымазаны глиной. Ребята заулыбались. Корова посмотрела нам вслед и протяжно замычала: “Мо-о-о-о». Тут уж нас и вовсе смех разобрал: “С Мишей прощается».

Тринадцатый

Сегодня нам велено тщательно осмотреть свои парашюты. Это всегда делалось перед прыжками. Значит, дня через два-три опять прыжки.

Но уже на следующий день «ГАЗ-69» повел за собой караван автомашин с десанниками-парашютистами. На земле и деревьях лежал снег – зима. И ветер, швыряя этот снег туда-сюда, заставлял нас ежиться. Мороз покусывал нос и уши, словно собака, когда та, играя, пытается порвать мохнатый тельпек.

Только в самолете по телу разлилось тепло. Моя рука – на запасном парашюте. На нее падают капли. Это тают снежинки на капюшоне.

Самолет набрал высоту и раскрыл люк. Ветер, ворвавшийся внутрь, расшевелил ребят, разомлевших от тепла. Сидим, глядим на поверхность облаков. Тут же команда: «Приготовиться!». И следующая: «Пошли!». Падая, я закрутился, как волчок. И почему-то растерялся. Дернул кольцо значительно раньше положенного времени и почувствовал, что лечу вверх тор-машками, ноги выше головы – запутался в стропах парашюта. Удалось освободить одну ногу. Но для второй уже не осталось ни сил, ни решительности.

Земля летела мне навстречу, а я, словно парализованный, бездействовал и знал – после падения никакой мастер-хирург меня не соберет.

И тут с земли донесся глуховатый голос:

– Не паникуй, гвардеец. Достань нож и перережь стропы. Спокойно. Нож твой на пояском ремне. Спокойно...

Солдатскому оружию спасибо! Нажал кнопку, – со щелчком обнажилось лезвие ножа. Ветер подхватил концы перерезанных строп, на душе полегчало. Я взглянул на свой надутый парашют, напоминавший камышовую циновку, на белые купола других парашютов, готовых уже приземлиться, и рассмеялся: хорошо все-таки жить!

До земли оставался совсем пустяк. Тот, поддерживающий меня глуховатый голос, раздался снова:

– Не торопись. Сведи ноги, носки и пятки вместе. Задние лямки подтяни еще: ветер восточный, не забывай – приземляться по ходу ветра...

Глянув вниз и заметив толпу людей, глазевших на меня, я смутился. Расстояние между нами сокращалось быстро... 50 метров... 30... 10... Земля!

Ребята подбежали, помогли подтянуть парашют, который волок меня по снегу. Увидев торопливо идущего Тарасова с рупором в руке, я быстро прикинул: «На худой конец – десять суток гаупвахты. Правда, зимой на ней холодновато, ну, придется потерпеть».

Я не успел еще освободиться от парашюта, но, вытянувшись по стойке смирно, оттраптовал:

– Гвардии ефрейтор Назаров выполнил тринадцатый прыжок. Подполковник обвел окружающих взглядом и скомандовал:

– Полк... смирно! За проявленную находчивость и умелые действия в воздухе гвардии ефрейтор Назаров награждается значком «Парашютист-отличник».

– Служу Советскому Союзу! – Произнеся эти слова, я почувствовал, что голова вскинулась, а грудь выпятилась вперед.

...Прошло дней десять-пятнадцать. Я был дежурным по кухне. Вошел Петя Нефедов с газетой и ткнул пальцем в статью под заголовком «Тринадцатый для десантников не опасный».

Теплый день

Последнее письмо, полученное от Тани, не шло у меня из головы. “...Иногда так хочется повидаться с вами. Скучаю о вас, и моему сердцу мало места в груди и в целом мире. Я мучаюсь и думаю, думаю... Подхожу к вашим зеленым воротам, прислушиваюсь к вашему пению...”

Письмо кончалось немного странной фразой: “Ах вы, мои воины, как я вас люблю».

Я сделал вывод – это слова признания. Но почему во множественном числе – мои воины?

Заколебался: нет, Нуры, ошибаешься. Погляди чуть дальше носа. Она же видела твой военный билет. А в нем все указано, вплоть до дня рождения твоей жены. И то, что моя молодая жена в ожидании меня проглядела все глаза, ей тоже известно. А Таня ничуть не похожа на эгоистку.

Я даже стал подсмеиваться над собой: “Мало ли в городе слоняющихся солдат? Тоже мне – неотразимый сердцецед”. Но письмо продолжало волновать.

Решил в ближайшее увольнение поговорить с Таней. В голове вертелась наивная мысль: “Если поговорю с ней – избавлюсь от этих дум. А может быть, я должен ее возненавидеть? А за что? За то, что она приветлива, ласково встречает меня, или за то, что говорит: “Солдаты, я вас очень люблю»?

Но увольнение не так-то легко получить. Если я обращусь к ротному, он, несомненно ответит: “Товарищ ефрейтор, вы были в увольнении недавно. В роте вы не один, подождите, дойдет до вас очередь, вот и пойдете».

И тогда я решил обратиться к комбату. Стал придумывать причину встречи с ним. Однажды я увидел его среди солдат, поливавших газоны. Цветы еще в начале весны сеял вместе с нами сам комбат.

Я подошел к нему строевым.

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

– А ну-ка валяй, послушаем. что ты нам скажешь.

– Товарищ майор, мне необходимо в город в предстоящий выходной день! – выпалил я неожиданно для себя. Комбат удивил меня гораздо больше, чем я его, наверное:

– Товарищ ефрейтор, я собираюсь направить вас на кратковременные курсы сержантов. После окончания курсов вернетесь в свою роту и вместо сержанта Коротко будете командовать отделением. Послезавтра утром зайдите в штаб, там выпишут вам документы.

Мне оставалось поднести руку к кромке берета:

– Слушаюсь, товарищ майор.

Спасибо курсам – в выходной день я смог выйти в город, и очень кстати: мое письмо, срочно отправленное Тане, дошло до адресата.

В городском парке я нашел ее очень быстро. Она сидела на зеленой скамейке недалеко от фонтана и листала книжку. Решили начать прогулку с леса. Безлюдная тропинка, извивавшаяся между деревьями, провела нас в молчаливую его глубину. Ароматный от запаха цветов лес полон неожиданностей: то, волоча за собой пушистый хвост, пробежит белочка, то с треском ринется прочь пугливый олень. Крученая тропиночка, наконец, привела нас к реке.

Сновали рыбацьи лодочки. Мальчишки и девчонки с радостными криками играли в какую-то игру. На берегу загорали, лежа на стеганых одеялах.

– Десант, неплохо бы искупаться, гляди, какой погожий день, будто по заказу, – предложила Таня.

Да, жаркий день в этом пасмурном крае – событие довольно редкое. Я даже улыбнулся: не забрело ли сюда по ошибке каракумское солнце?

Мое молчание Таня поняла по-своему:

– Не хочешь купаться – не надо. Сиди и наблюдай. А я окунусь пару раз. Все ясно. Решила, что я не умею плавать.

– Танюша, если я вдруг начну тонуть – спасешь? – почти трагически сказал я, но она не заметила подвоха и упростила купаться, где мелко.

Я нырнул и, вынырнув далеко от девушки, поплыл к другому берегу. Когда вернулся, нашел Таню обиженной.

– Шутник, тоже мне... Страдай тут из-за него, бойся как бы не утонул!

А я, честно говоря, не мог от Тани глаз отвести, так она была хороша в купальном костюме. Стройное белое тело девушки словно светилось изнутри.

– Позагораем?

– Конечно!

Я и не знал, что это такое удовольствие – лежать под теплым солнцем. А Таня вдруг вскочила и, сорвав с моей головы берет, которым я прикрыл глаза, бросилась бежать, крича:

– Хватит валяться, лодырь! Попробуй-ка догнать!

Она бежала и смеялась, а мне показалось, что гонится она за собственным смехом. Ее распущенные волосы развевались за спиной.

Великолепное зрелище. И потому, наверное, я бежал не особенно быстро. Но в конце-концов все же догнал ее и взял за руку. Тяжело дыша, Таня закрыла глаза и прислонилась ко мне, что-то шепча. Я затаил дыхание.

– Милые мои солдаты...

На берегу народу прибавилось. А мне хотелось сидеть здесь. Сидеть и наблюдать за волнами. Отчего мы с этой рекой так сблизились? Была у меня на этот счет одна догадочка: река похожа на мой Мургаб.

– Ах, побольше бы таких дней... – Таня сидела рядом, она коснулась моего плеча.

– Научишь меня нырять, как ты?

Глядя друг на друга, мы улыбнулись, и я забыл о том серьезном разговоре, ради которого пришел на встречу.

Ночь в поле

Наша рота первой закончила прыжки, но на сей раз мы должны были остаться и собрать парашюты тех, кто будет прыгать после нас. Ребята, недовольные, ворчали:

– С какой стати мы должны собирать чужие парашюты?

– Почему мы должны обслуживать растяп, не способных обслуживать самих себя?

– Мы не муззвод. Наша рота на смотре завоевала оценку “отлично»!

Услышал замполит, разулыбался, подтвердил:

– Да, у командования мнение о нас неплохое. Но возмущение ваше неуместно – приказы надо выполнять.

Роты, приземлившись, поспешно освобождались от парашютов и исчезали в лесу. Оттуда доносилась автоматная трескотня и артиллерийская канонада.

А мы, собирая и подтаскивая парашюты, злились: чем мы хуже других? Один только Миша, вразвалочку расхаживая по лужайке, не унывал. Но и он продолжал настырно бубнить:

– Товарищ командир, мы не пташки из муззвода. По-моему, товарищ командир, этот приказ не того... Пусть парашюты собирают те, кто напевают “до-ре-ми-фа- соль», это им очень идет...

Через три часа наш ротный пересчитал собранные парашюты и сделал отметку в блокноте. Ребята сели перекурить, а мне командир поручил построить свое отделение.

Я подумал, что нас сейчас отправят на помощь “к воюющим», и оживился. Бойко доложил о готовности второго отделения.

– Вы остаетесь здесь, около парашютов, – прозвучал в ответ приказ. Всё в том же унылом настроении и от нечего делать ребята разбрелись собирать грибы, только Миша предпочел вздремнуть на траве.

Лес был недалеко. Он стоял, словно подняв по тревоге свой лиственный полк, и глядел куда-то вдаль, поверх хлебных полей. Пшеничное поле, готовое уже к жатве, казалось мне родным. Ветерок доносил запах прогретых солнцем колосьев.

Сорвав колосок, я раздавил его в ладони, сдул шелуху и увидел крупные зерна. Их было семь. Подумалось: прямо как в притче. Я вспомнил, как ел когда-то из чашки солонатовую вареную пшеницу. На душе было радостно, и я запел...

Зашло солнце, ребята, вернувшись из леса с добычей, нанизывали на палочки грибы и жарили их над углями. Запах жареных грибов нестерпимо разжигал аппетит. Поблизости была деревня, где можно было бы взять продукты. Но разве они сравнятся с жареными грибами!

Грибы готовы. Каждый съел свою долю. А машин все не было.

Глубокой ночью дежурный растолкал меня:

– Товарищ сержант, машины, кажется, идут. Будить ребят?

И в самом деле доносился гул, однако он не был похож на гул машин. Свет бороздил пшеничное море. “Наверное, тракторы», – подумал я.

И тут же крикнул одни из ребят, проснувшись от наших разговоров:

– Танки идут! – Услышав про танки, я проворно вскочил, за мной все остальные.

Танки двигались в сторону хлебных полей. Вслед за мной в пшеничное поле юркнул Аноприенко. Стараясь перекрыть грохот ползущих прямо на нас танков, мы оралы во все горло:

– Стой, стой! Нас заметили.

Передний танк остановился. вслед за ним остановились и остальные.

Открылся люк, и офицер, вышедший из танка, не разобравшись что к чему, стал кричать на нас:

– С ума посходили, что ли? Жить надоело, да?

– У вас, кажется, язык длинный, а ум покороче. Надо глядеть в оба, коль сели в танк, а не спать! – Если бы он взял меня за грудки, я бы мог, забыв разницу в звании, дать сдачи.

Командиры других машин тут же выяснили ситуацию. Пожилой офицер поддержал нас. Но не преминул подтрунить:

– Ну, десантники, значит, караулим пшеницу? – Защищать святое – это дело десантников, товарищ полковник, – нашелся Анопrienко, у которого, как известно, хорошо подвешен язык.

Полковник наказал танкистам соблюдать осторожность. Танки снова ожили. Стоявший рядом с нами тоже взревел, затем развернулся и будто отомстил за хозяина: комок глины, вырвавшийся из-под гусеницы, залепил мой глаз.

Крикнув «ой», я повалился в пшеницу. Ребята протерли мне глаз, но это не помогало. Они суетились и хлопотали вокруг меня, просили: «Заплачь, ну, давай, заплачь!», а я только челюсти сжимал.

Анопrienко перебил их:

– Миша, ну посоветуй, что делать? Ведь поблизости воды даже нет. Послать человека в деревню? Вызвать сюда врача? Ну, скажи хоть что-нибудь, не проглотил же ты свой язык!

– Откуда я знаю, что делать. Наверное, надо вызвать врача. А может, сам сержант скажет...

– Если надо сходить за водой, то я могу, – предложил один из ребят.

– Нет, пусть ходит Гриня. Он бежит хорошо.

Каждый предлагал свое, и потому они никак не могли прийти к определенному решению. Вдалеке замаячил неясный силуэт. Это была тележка-одноколка. На ней сидели двое: рыженький возчик лет сорока и пассажирка – женщина с ребенком на руках. Телега со скрипом подъехала к нам и остановилась. Извозчик-коротышка, увидев мой глаз, сочувственно покачал головой:

– Как бы зрение не пострадало!

И тут всех удивила женщина. Уложив ребенка на траву, она одной рукой открыла мой глаз, другую просунула за кофту и достала оттуда налитую материнскую грудь. Струя молока ударила мне в лицо.

Ребята притихли, ошеломленные, а я после этого промывания почувствовал облегчение и решил открыть пострадавший глаз. Глянул через плечо женщины и увидел волнуемое хлебное поле...

Два письма

Сначала я любил глядеть в окно госпиталя на деревья. Потом и они приелись. Я тосковал. Вспоминались ребята нашей роты. Я их видел то за укладкой парашютов, то у полкового знамени. Про себя давно решил – как только снимут повязку с глаза, здесь не задержусь, а если не отпустят, придумаю что-нибудь, ребята помогут. Единственным утешением были два письма, оставшиеся в кармане с догоспитальных времен. Одно – от Язбегенч. Хотя я знал содержание письма наизусть, все равно повторять его еще и еще доставляло мне радость.

“...Сажусь писать тебе и чувствую: ты стоишь где-то рядом со мной.

Все мы здесь живы и здоровы, такие, какими ты оставил нас. Отец возится со своим трактором, твои младшие братишки да сестренки в эти дни помогают колхозу собирать хлопок, а я занята школьными делами.

Ты можешь спросить: “Есть ли время на то, чтобы вспомнить меня?». А я отвечу – ты все время со мной, стоишь перед глазами. Когда приходит почтальон и твои младшие братишки и сестренки выбегают навстречу ему: “Принес ли от нашего братика Нуры письмо?», я успеваю первой схватить твое письмо.

Со дня разлуки с тобой прошло 524 дня с сегодняшним. Скоро, скоро ты возвратишься.

До свидания. Живи и здравствуй, где ты пребываешь. Пиши почаще. Хоть писем не жалей для нас... Твоя жена, проглядевшая все глаза в ожидании».

Второе письмо Танино.

“...Ты думаешь: “Она пропала без вести», и, действительно, я далеко от вас. Судьба забросила меня из Прибалтики на Дальний Восток.

Ты помнишь случай, когда мы ходили к старой крепости? Ты открыл мою сумочку, чтобы достать спички, увидел в ней фотографию курсанта. Теперь он артиллерийский лейтенант. Тогда он приехал домой на каникулы, и мы познакомились с ним у моей подружки. Но ты решил не заметить этой фотокарточки, во всяком случае ни о чем не спросил. Может быть, ты был прав...

Недавно мы сыграли свадьбу – можешь поздравить меня. Устроились хорошо, имеем двухкомнатную квартиру. Привыкаю к городу, читаю книги. В нашем городе морозно и снежно, но когда есть человек, согревающий твое сердце, холод нипочем!

Служи в здравии, Нуры. Желаю с честью закончить службу и радостно встретиться с женой. С глубоким уважением к тебе. Татьяна».

М-да, вышло именно так, как говорится в пого: “Мальчик торопится, а тутовник созревает в свое время». Через двадцать дней врач-майор написал, что теперь я совершенно здоров. На следующий же день, собрав свои вещи, я отправился в часть.

Самая короткая ночь

Вместо эпилога

Я шагал, следуя за разводящим. Место назначения – склад нашего полка, где хранился картофель. Этот пост у нас считался крайним. Склад окружала поляна, где с первых дней весны и до поздней осени зеленела буйная трава.

Стоя на посту днем, я обычно встречал здесь старого лесника. Он появлялся в деревьях и уходил по тропинке, бегущей меж заграждений из колючей проволоки. Иногда он напевал непонятные песенки и сам был мне непонятен: окружающее его будто не интересовало.

Сегодняшний наряд начинался с ночи. Луна, поднимаясь, плавающая в зеркальной глади реки, осветила все вокруг; свисающие ветки деревьев похожи на распущенные волосы, и в них – силуэт девушки...

Временами девушка нагибалась и присматривалась к тропинке. Может быть, прислушивалась к шорохам. Вскоре я заметил – кто-то мчится по берегу. Не добежав до девушки, остановился и, присев на корточки, стал пить. Затем они поравнялись.

– Лайма, ты знаешь, мама попросила навестить сестру в соседнем колхозе, сама она больна. А придешь – не отпустят, чтобы не усадить за стол, – сказал он и взял девушку за руку.

– Я бы и до рассвета ждала, – прошептала девушка.

Парень некоторое время глядел в ее освещенное луной лицо. Потом опустил глаза.

– Лайма, ты мне будешь писать или...

– Конечно, напишу. А что значит это “или»? – спросила девушка.

– Этим “или»... Если ты можешь поступить как Янута, скажи мне об этом сейчас, чтобы у меня не было никаких надежд. Девушка обиделась.

– Не все мы похожи на Янута. Если девушка настоящая, у нее и в мыслях нет угождать всем парням подряд. Давно известно, что нельзя согреть всех мужчин, как солнце.

Девушка отвернулась.

– Лайма, прости, милая, ты же знаешь, завтра, завтра я уезжаю служить. Пришлось немного выпить... ты прости... давай немного пройдемся.

Девушка молча согласилась и пошла рядом с парнем. Луна все светила. Парень говорил:

– Эта ночь не исчезнет из моей памяти.

– А... меня, меня ты будешь вспоминать? – спросила девушка.

– А зачем мне эта ночь без тебя? Девушка взяла его руку и, будто говоря, слышишь, как бьется сердце, прижала к своей груди. Они сидели на берегу реки, слушая звуки бурлящей воды и шелест листьев. И ночь была длинной для меня, для них – короткой.

На рассвете пришло время прощаться. Глядя друг на друга, они стояли несколько минут. Девушка ждала, что первым заговорит парень. Но он, ничего не сказав, привлек ее к себе и стал целовать в лоб, в щеки, в глаза.

– Жди меня, Лайма!

– А ты почаще пиши, ладно? – Парень кивнул, а девушка вдруг заплакала.

Ветерок донес солдатскую песню со стороны нашего полка:

Не плачьте вы, меня провожая,

Уходит в запас солдат...

И девушка, будто отвечая этой песне, зашептала:

– Я не плачу, зачем мне плакать... Он отслужит срок и вернется.

Она постояла еще немного, глядя в ту сторону, куда ушел парень, а мне захотелось крикнуть ей: “Дождись его, Лайма! Люби его. Ты и не знаешь, что значит для солдата верность. Это слово вписано в присягу!».

Перевод С.Залевского. 1972 – 1974 гг.

ДЕСТАН МОЕЙ ЮНОСТИ

Было это, кажется, в тридцатом году. Или в двадцать девятом?.. Во всяком случае не в тридцать первом. Тридцать первый – это год, когда не стало Арнагельды ага и Ивана Поскребко...

Точно, в тридцатом. Осень стояла долгая, затяжная. Помню: все чаще и чаще задувал холодный в тот год ветер, уже облетели листья с деревьев, но настоящая зима долго еще не приходила.

Наш конный добровольческий отряд, который жители округа называли просто «отрядом Арнагельды», стоял в урочище. Басмачам, контрабандистам казалось тогда, что границу перейти проще всего именно здесь, в Пенди, поэтому бойцам заставы Ивана Поскребко приходилось почти каждую неделю вступать в стычки, а то и в кровопролитные схватки с нарушителями. А наш отряд и помогал пограничникам.

Большая группа тех, кто, оставив родную землю, хотели уйти за кордон, попытались, разделившись и обтекая Тахта – Базар, прорваться на ту сторону. Пограничники решили задержать их в Бадхызе, наш отряд ждал их на другом берегу Мургаба – в Карабиле. Ни пограничникам, ни нам остановить тех людей не удалось – обычно мирные, они, встретив противодействие и защищая свое право поступать так, как считают нужным, навязали бой. Некоторые из них погибли, некоторые рассеялись в пустыне, некоторые все-таки сумели прорваться через границу.

На следующий день после этого происшествия, утром, меня вызвали в штаб отряда.

Там, кроме Арнагельды, оказались еще двое: за столом сидели хмурый командир пограничников Поскребко, у стены, на полу, отвернувшись, закрыв лицо паранджой, пристроилась какая-то женщина. Увидев женщину в казарме, я удивился. Исподтишка с любопытством нет-нет да поглядывал на нее – молоденькая, судя по всему: сквозь ситец паранджи угадывалось, что хрупкая, плечи угловатые, да и кожа на крепко сцепленных руках гладкая, девичья.

– Знаешь, для чего я тебя вызвал, Максут? – Арнагельды, шагавший из угла в угол, остановился передо мной. Я, не мигая, восприсительно смотрел на него, всем видом давая понять, что очень хотел бы узнать, зачем меня вызвали.

– Даю тебе задание, Максут, – Арнагельды посмотрел мне в глаза. Тебе придется эту женщину, – показал взглядом на сидящую у стены, отвезти к ее родственникам, в Хиву.

Узнав, в чем дело, я облегченно заулыбался.

– Ты ведь с детства ходил с караванами и в Бухару, в Машат и в Хиву. Наверное, не забыл дорогу?

– Дорогу, конечно, помню, – заверил я.

– Передашь женщину родственникам из рук в руки, – продолжал Арнагельды. – Пусть все видят и знают, что большевики заботятся не только о судьбе всего нашего края, но и о судьбе каждого человека в отдельности. Даже такого, который чуть не наделал глупостей... – Он помолчал, усмехнулся. – Некоторые думают и уже распускают слухи, что мы отдадим под суд или даже расправимся с Айнабат, как с врагом. Надо показать, что невиновных мы не наказываем.

И посмотрел на Ивана Поскребко. Тот, сидел, слушая нас, нервно расстегивая пуговицы гимнастерки, и хоть плохо знал туркменский язык, видно, все понял. Кивнул в знак согласия.

Арнагельды опять повернулся в мою сторону. Объяснил, что Айнабат вместе с мужем и его родственниками была в той группе, которая хотела прорваться через Бадхыз.

– Ах вот в чем, оказывается, дело! – Вспомнив этот случай я подумал: «Женщина не виновата, она лишь выполняла долг жены, когда уходила с мужем на ту сторону». – А я думал,

мне опять патрулировать в пустыне... – Все сделаю, Арнагельды ага, – заверил я. Доставлю женщину в Хиву.

– Ладно, иди, готовься в дорогу, а я подумаю, кого тебе дать в помощники...

– Я пошел в казарму и стал готовиться в дорогу. Когда я уложил в хурджуны* все, что может понадобиться в пути, – съестные припасы, кое-какие медикаменты на всякий случай, когда получил дополнительно патроны, и вышел во двор, то понял, что в напарники мне Арнагельды ага выбрал высокого, степенного, лет за пятьдесят, Ахмед-майыла – тот деловито снарядил верблюда.

Сначала я даже не узнал старика – такой нарядный, праздничный он был: в белой, с крупными завитками папахе, в длинном, до колен чекмене из тонко выделанной шерсти, подпоясанном шелковым кушаком, в мягких новых сапогах из бычей кожи – жених да и только! Молодец, хорошо подготовился: настоящий старший родственник, который едет в гости. Я, в своем стареньком, потрепанном халате, в стоптанных сапогах, не очень-то похож на молодого, счастливого мужа. Но что делать, другой одежды у меня нет.

Мы с Ахмед-майылом вывели своих коней денника, принялись седлать их. Некоторые бойцы делали вид, будто не замечают наших сборов – ну поехали двое на задание, что тут такого; другие с праздным видом топтались рядом, но поглядывали завистливо – повезло, мол, уезжаете, однако ни о чем не спрашивали: интересоваться кто? куда? зачем? – не полагалось.

На крыльцо стремительно вышел Арнагельды ага; за ним, съезжившись под паранджой, опустив голову, – Айнабат; следом, вразвалку, русский командир Иван Поскребка. Он, сощурившись от солнца, внимательно оглядел нас, хмыкнул. Женщина подошла к лежащему верблюду, села на него. Верблюд, не прекращая размеренно и лениво жевать, колыхнулся, медленно и, словно нехотя, поднялся с колен.

Пока ехали через Тахта-Базар, возглавлял наш маленький караван старший по возрасту – Ахмед-майыл; я – замыкал. И поэтому волей неволей все время видел перед собой Айнабат. Она, настроившись на долгую дорогу, приняла самую удобную позу, когда меньше всего устаешь, – выпрямилась. И обрела гордый, независимый вид. Ткань паранджи в такт мерным шагам верблюда обтягивала, облепляла тело женщины, смутно выделяя лопатки и верхнюю часть позвоночной впадинки. Я, стыдясь чего-то, отводил глаза, чтобы вскоре снова украдкой посмотреть на молодую вдову, пытаюсь увидеть, угадать под ее одеждой контуры юного, почти девчоночьего тела.

Как только углубились в пустыню и Тахта-Базар скрылся за высокими барханами, поросшими джейраньей чашей, Ахмед-майыл придержал коня. Я, обогнув верблюда, проехал вперед, занял место во главе нашей троицы. И больше, до самого привала, Айнабат почти не видел. Лишь иногда, делая озабоченное лицо – все ли, мол, в порядке сзади? – оглядывался, бросал мимолетный, словно случайный взгляд на женщину, и каждый раз мне казалось – она понимает, что обернулся я лишь для того, чтобы посмотреть на нее, и опять мне делалось отчего-то стыдно. Но и радостно одновременно: стало казаться, хотя я и знал, что придумал это, будто улавливаю сквозь черную сетку паранджи неравнодушный, почти ласковый, взгляд, будто бы видел даже сдерживаемую доброжелательную улыбку.

Медленно ползло по белому небу жаркое, совсем не осеннее солнце; медленно полз по белой земле наш караван, огибая бесконечные, то пологие, то крутые, песчаные волны. Но вот тени удлиннились, свет, разлитый вокруг, уже не слепил, стал спокойным, потянуло пока еще еле ощутимой вечерней прохладой. Я по привычке внимательно посматривал по сторонам, поднимаясь на стремянах, прислушивался – не покажется, не послышится ли что-нибудь подозрительное? – а перед глазами неотступно стояло видение: верблюд с женщиной в цветастой парандже...

Тропа вывела нас к реке Кушка, которая сейчас, осенью, превратилась в скромный ручей, который тихонько побулькивал на маленьких камушках. Около черного круга кострища, на

небольшом прогале в зарослях тамариска, я спешился – здесь все путники всегда делали привал. Подошел к верблюду, ударил его по одному колену передней ноги, по другому, чтобы опустился, дал наезднице слезть. И, не глядя на Айнабат, вернулся к Боздуману. Расседлал его. Потом и второго коня, хозяин которого – большой любитель поесть и особенно попить чай, уже, несмотря на комплекцию, юрко сновал в кустах, собирая хворост для костра. Предчувствуя чаепитие, Ахмед-майыл повеселел и, разводя костер, даже запел вполголоса:

Лучшие дрова – ветки тамариска,

Лучшая еда – дограма.

А если еще и ешь рядом с женой,

Нет ничего вкусней на свете.

Я знал, что за ужин можно быть спокойным: Ахмед-майыл приготовит все, как в самой лучшей чайхане. Знал я и то, что напарник не любит, когда около него крутятся в это время, но продолжал пялиться на Ахмед-майыла – не хватало духу повернуться, потому что за спиной была Айнабат, и я оробел.

Ахмед-майыл, высекая кресалом искры, посмотрел на меня.

– Не пора ли напоить коней? – напомнил.

– Пожалуй, да. – Я знал, что мне давно надо бы заняться делом, но продолжал медлить.

Ахмед-майыл понял это по-своему:

– Не бойся, они уже остыли... И обязательно сними с них седла, попоны – пусть солнце поласкает, погладит ласковой рукой наших коней. Отец мой любит повторять; наши кони состоят наполовину из солнца. Вот так-то, сынок.

Я развернулся. Верблюд, оказывается, забрался в заросли тамариска и с удовольствием обдирает губами ветви. А Айнабат не было. Ушла, наверное, к речке.

Я почувствовал, что улыбаюсь. Взял под уздцы коней, направился к Кушке, стараясь, сам не знаю почему, идти бесшумно, чтоб сухой сучок под ногой не хрустнул, песок не зашуршал.

Айнабат стояла около воды, рядом с паранджой, которую набросила на низкорослый куст. Круглое лицо женщины с чуть раскосыми, остановившимися глазами, словно всматривающимися во что-то далекое, было бледное и точно окаменевшее. Она замерла с поднятыми к голове обнаженными по локоть смуглыми руками, на которых еще поблескивала не высохшая вода – поправляла иссиня черные тяжелые волосы и, видно, задумалась, да так глубоко, что забылась, оцепенела.

Мой Боздуман вопросительно фыркнул – вода рядом, а хозяин чего-то ждет, остановился. Айнабат еле заметно вздохнула, медленно повернулась ко мне головой. Поджала губы, не спеша опустила руки, плавным движением сняла с куста паранджу и – скрылась под ней.

Я, делая вид, будто не обращаю на женщину внимания, подвел коней к речушке-ручейку. Остановился глядя на воду и не видя ее. «Айнабат... Айнабат... Красавица». В голове шумело, кровь не успокаиваясь, билась в висках, во рту пересохло.

Очнулся от насмешливого оклика Ахмед-майыла:

– Э, Максут, ты не утонул? – Он засмеялся. – Иди, ужин готов!

Я торопливо вернулся к стоянке. В сгустившихся уже сумерках весело переливалось желтое пламя костерка, над которым побулькивал тунче. Оказывается, Ахмед-майыл тоже ходил к речке за водой. А я его и не заметил – готовил чай-шурпу.

Я стреножил коней, взмахнул руками, отгоняя, – паситесь, отдыхайте, – достал из хурджуна свою пиалу и подсел к костру.

Ужинали молча. Ахмед-майыл смаковал хлеб: прихлебывал чай-шурпу, старательно жевал, отчего редкие усы его шевелились и напоминали мохнатых гусениц, которых много бывает по весне, побряхтывал от удовольствия, постанывал, изредка вытирая огромным платком пот со лба и макушки наголо бритой головы. Я же от этого безмолвия мучился – сидим, точно на поминках. Пристально, не мигая, глядя в костер, то лихорадочно, то отупело при-

думывал, о чем бы поговорить – очень уж хотелось отвлечь Айнабат от ее тяжелых мыслей: может, немного встряхнется, может, хоть на время позабудет о своем горе. Но так ничего и не придумал – как начать? с чего?

– Ладно, давайте спать! – приказал я, когда увидел, что даже Ахмед-майыл, кажется, наелся. – Выйдем рано, чтобы не тащиться днем по жаре.

– Вот это правильно, – обрадовался Ахмед-майыл. – Так у нас быстрее дело пойдет. Скорей до нужного места доберемся. Он бодренько завернул в платок-скатерть остатки еды, собрал посуду и, отойдя в сторону, принялся мыть ее, поливая из казанка.

Я вынул из хурджуна большой квадрат тонкого войлока, отнес Айнабат. Она разостлала, легла на краешек, укрылась другим концом и, скорчившись, поджала ноги, застыла, больше не шелохнувшись. Я лег около затухающего костра на попону, уложил поудобней голову на седло, закрыл глаза. Ахмед-майыл, побряхтывая, бормоча что-то, тоже улегся рядом и скоро затих.

Пофыркивали иногда кони, похрустывал ветками верблюд, забившийся в заросли тамариска, изредка что-то шуршало, вспискивало, наверное, совсем рядом охотился варан. Сквозь неплотно сомкнутые веки я увидел красноватое пятно углей костра, а в нем – лицо Айнабат; мучительно окаменевшее, каким было недавно у Кушки; глаза с болью, строго и требовательно смотрели прямо на меня, но вот они потеплели, в них появилась надежда, потом – радость; лицо смягчилось, оживилось и... Айнабат заулыбалась. И я вижу, что она, оказывается, откинув штору, стоит в дверях дома – нашего дома! Руки ее, красивые тонкие руки, так же, как сегодня вечером у речушки, обнажены по локоть, но они не в капельках воды, а в муке и тесте, потому что Айнабат не в силах скрыть своей радости. Тихим, но звонким, мелодичным голосом жена моя Айнабат зовет: «Сынок, доченька, идите скорей, папа приехал!». А я не спеша, как и полагается главе семьи, уже слезаю со своего Боздумана и, раскинув руки, ловлю, обхватываю примчавшихся ко мне со всех ног шустрых, веселоглазых, черноволосых и круглолицих, как мать, ребятишек – мальчика и девочку, моих сына и дочь. Поднимаю их на руки, прижимаю к себе и приближаюсь к веселой, сияющей от счастья Айнабат...

Перекаत्याюсь на спину, широко открываю глаза -какой уж тут сон! Надо мной в высоком темно-синем небе равнодушно посверкивают семь широко разбросанных звезд, похожих на ковш Единген. Люблю смотреть на звезды – наполняют душу покоем, заставляют думать о чем-то светлом, трудно выразимом словами, значительном, вечном. Я это чувствовал. Уже в детстве, когда начал ходить с караванами – каждую ночь непременно подолгу глядел на звезды. А, может, и Айнабат тоже смотрит на небо? Повернулся, чтобы видеть женщину. Нет, лежит в той же позе, закутавшись в войлок.

Я улегся поудобней и больше глаз от женщины не отрывал...

Постепенно восточный край неба стал светлеть, в сплошной черной стене кустарника начали различаться корявые тонкие стволы, переплетение сучьев. Пора!

С трудом растолкал Ахмед-майыла. Развернулся, чтобы разбудить Айнабат, но та была уже на ногах и даже сложила в хурджун постель, разложила на дестархане остатки вчерашнего ужина. Все делала она бесшумно, без суеты – умело и привычно.

Пока я выгонял, а вернее выталкивал верблюда из самой глубины тамарисковых зарослей – верблюд упрямылся, задира надменно голову с презрительно оттопыренной нижней губой – Айнабат уже принесла воды, Ахмед-майыл уже развел огонь и даже приготовил чай.

Позавтракали. Опять молча, но в этот раз сосредоточенно и скоро.

И снова – барханы, барханы, узкая тропа между ними; снова я оглядываюсь, чтобы увидеть Айнабат, хотя и когда смотрел перед собой, она была перед глазами – такой, какой застыла вчера у речонки, но чаще такой, как в ночной, зримой, мечте: влюбленно глядящей на меня женой.

Солнце неумолимо вползало в высь, раскаляя воздух, делая все вокруг зыбким, расплывчатым, выжимая даже из моего сухого, привычного к жаре тела, пот.

В полдень остановились у колодца Дервиш-мазар: разрушившийся, из необожженного кирпича, мавзолейчик какого-то святого хаджи, утоптанная, истрескавшаяся земля, покривившиеся колья навеса, осыпавшийся кое-где глиняный кольцевой выступ над колодцем. Колоды, чтобы поить скот, не было – лишь глиняная неглубокая канава. Вода оказалась солоноватой и мутной. И все же зной можно было переждать только здесь.

После обеда Айнабат опять нахохлилась, укутавшись в паранджу и отвернувшись от нас; Ахмед-майыл, задумчиво уставившись в ее спину, накручивал на палец завитки папахи. Потом достал из хурджуна ножнички, маленький осколок зеркальца и принялся тщательно подравнивать, подстригать усы. Настроение его явно улучшалось, он, поглядывая на женщину, даже замурлыкал любимую свою песню, каждый куплет которой заканчивался тем, что все хорошо, если рядом жена.

“Наверное, тоже думает об Айнабат; наверное, тоже видит ее в мечтах», – думаю я и чувствую, как накачивает ревность: представляю, что Айнабат ласково улыбается этому само-довольному старику.

– Ну как, нравится песня? – повернувшись ко мне, иногда спрашивает довольный собой Ахмед-майыл.

Я из вежливости киваю, хотя его песни о девушках и женщинах мне совсем не нравятся – ведь он намекает на Айнабат, которую я в мыслях уже считаю своей. Но показывать этого нельзя – неприлично.

Так потянулись наши дни и ночи. Сидя на коне, я думал об Айнабат, и картины в воображении становились все дерзостней и сладостней; во время привалов картины эти тускнели, мечты улетучивались, настроение портилось – Айнабат, как обычно, сидела неподвижно в сторонке, укутавшись в паранджу, и ей, судя по всему, не было до меня никакого дела. Одно радовало – ей не было дело и до Ахмед-майыла, который, однако, напевал все веселей и круг радостей, которые в его песне может доставить жена, все расширялся; любовался теперь он на себя в зеркальце при каждом удобном случае, а в промежутках между этим занятием охорашивался: чистил чекмен, выбивал из него пыль, исследовал – нет ли пятен, а свою белую папаху совсем истерзал, все накручивал и накручивал на палец завитки. И напрасно – Айнабат была все такой же замкнутой. “Что за нелюдимая женщина? – возмутился как-то Ахмед-майыл, когда мы ненадолго остались одни. – Может, она немая? Может, дурочка?.. Ничему не радуется, ни на что не откликается, только тоску нагоняет. Не петь, а выть рядом с ней хочется. Как неживая, как старуха – предвестница бед и смертей. Не люблю таких!». У меня сердце чуть не разорвалось от радости, душа весенним жаворонком запела: “Ага, не любишь! Не любишь?! Отступился! Не будешь больше ей улыбаться, глупые песенки с дурацкими намеками распевать, усы свои кошачьи холить...».

Окрыленный тем, что Ахмед-майыл охладел к Айнабат и даже невлюбил ее, я решил – надо бы к колодцу Орме, что рядом с Тедженом, прийти завтра как можно раньше. И там, если не будет опасности, сделать большой привал: пора, мол, дать отдохнуть и себе, и коням – объясню спутникам. А сам надеялся: может, во время долгой стоянки удастся все-таки поговорить с Айнабат, услышать ее голос и даже смех, и тогда наберусь смелости, скажу, как думаю о ней, как она нравится мне.

Ахмед-майыл моему предложению так обрадовался, что даже вечерний чай готовить не стал, тут же принялся запрягать коней. Айнабат, как всегда, промолчала.

Всю ночь без остановки ехали мы и перед рассветом добрались до колодца.

С первого взгляда видно было, что здесь недавно, дня два-три назад, останавливалась большая отара: все вокруг усыпано шариками овечьего помета, ветер еще не развеял золу на месте костра. И – приятная неожиданность: чабан, старик, скорей всего, который не забыл, как видно, вековые законы пустыни, оставил около колодца, аккуратно прикрытого камышовой

циновкой, ведро-бурдюк с веревкой и даже дрова – кучку хвороста и два, похожих на кость, обломка саксаульных стволов: разводи, путник, костер, не трать времени на поиск топлива!

Да продлит Аллах дни твои, чабан, пусть всегда будет вода и пища тебе и твоим овцам, очень обрадовал нас, особенно ведром с веревкой, не пришлось мучиться, как у других колодцев, связывая все ремни и даже сбрую и доставая воду торбой, которая, когда поднимешь ее, оказывалась почти пустой – вода просачивалась сквозь ткань, возвращаясь насмешливо журчащим дождичком в темную бездну колодца.

Мы привязали коня к сбруе верблюда и тот без труда вытащил бурдюк с водой.

Напоили коней. И я повел их сквозь заросли, чтобы отыскать место, где овцы чабана-благодетеля выщипали не всю траву.

Около одинокого бархана близ большого солончака стреножил коней – чабан, наверное, знал о солончаке, поэтому и не гонял стадо в эту сторону: для отары пищи мало. А нашим двум коням хватит.

Тем временем совсем рассвело, полнеба на востоке залила заря, в которой застывшие на горизонте далекие облака казались округлыми, оплавленными кустами золота.

Я поднялся на бархан, изрытый резвившимися, заигрывающими ночью лисицами, поднялся, чтобы не пропустить момент, когда выметнув лучи, всплывет и расплеснет по пустыне свет краешек солнца.

Шорох, сопение за спиной отвлекли меня. Я оглянулся.

Ахмед-майыл, отдуваясь, путаясь в полах чекменя, спотыкаясь, взбирался ко мне на вершину бархана. Я вопросительно посмотрел на партнера. Думая, что он пришел звать меня поесть, поинтересовался, готов ли завтрак, но Ахмед-майыл отмахнулся:

– Наверно. Когда уходил, эта женщина чай готовила.

Я удивился: чтобы Ахмед-майыл доверил кому-то готовить чай?! Такого не бывало. Он снял папаху, вытер ею голову с уже слегка отросшими, белыми на висках, волосами и большой лысиной; посмотрел равнодушно на поднявшееся солнце и сказал совсем неожиданное:

– Слушай, сынок, а что, если нам не ходить в эту самую Хиву, а?

– Как это не ходить? – растерялся я. – Мы же обязаны доставить Айнабат ее родственникам. Или ты отсюда хочешь отправить ее одну? И рассмеялся: настолько глупой была такая мысль, ведь женщина заблудится за следующим же барханом.

“Бедный старик, – подумал об Ахмед-майыле, видно, он совсем выдохся. Наверное, я вымотал его сегодняшним ночным переходом. Конечно, то, что мне, в моем возрасте, легко, ему дается с трудом. А может он боится? Может, думает о смерти, как все старики, отправляющиеся в дальнюю дорогу; думает о том, что умрем вдали от людей, непогребенные?»

– Ничего, – заверил я бодро. – Отсюда, от Теджена, осталось немного. Считаю, полпути прошли.

– Теджен... – морщины на лице Ахмеда-майыла разгладились, а само лицо стало мечтательным. Он достал тыквенную бутылочку. Отсыпал в ладонь щепотку наса, кинул привычно под язык. – Здесь рядом есть село, в котором живет мой хороший друг по имени Халык, – сказал он, посасывая нас. Покачал восхищенно головой. – Очень хороший друг. Гостеприимный, веселый, счастлив, когда к нему люди приходят. И жена его, Нурсолтан, тоже радуется, тоже хороший человек. Вот обрадуются они, когда мы к ним заглянем, вот обрадуются. Ты такой встречи еще не видел. Давай поедем не в Хиву, а к Халыку?

– Да ты что, Ахмед ага, – возмутился я. – У нас же приказ!.. Да и не в этом дело. Надо ведь домой, домой – понимаешь? – Айнабат отвезти.

– Айнабат, Айнабат, – Ахмед-майыл раздраженно выплюнул нас. – Не думай о ней, сынок. Передадим ее Нурсолтан, жене Халыка, она что-нибудь придумает, пристроит куда-нибудь эту женщину. А Арнагельды скажем, что Айнабат сама велела оставить ее в Теджене: захотела, мол, выйти там замуж за одного мужчину.

Я ошалело смотрел на него, не в силах даже возмутиться. Ахмед майыл осмелел, заговорил уверенней.

– Нурсолтан быстро найдет для нее мужа. Арнагельды не скоро приедет в Теджен. А когда приедет, она к тому времени уже привыкнет к новому мужу, он ее доведет до такого состояния, что ответит так же, как сказала Гулендам, когда за ней приехал Гёроглы: «Время ушло, и теперь уже поздно, так что оставьте в покое меня».

Я шумно выдохнул – сердце колотилось бешено, острыми тычками. Хотел накричать на Ахмед-майыла, этого старика с дореволюционными понятиями: как смеет он даже мысль допускать, что Айнабат можно отдать первому встречному, какому-нибудь вдовцу скорей всего.

– У нас приказ, – ответил я твердо. – Если бы командир велел доставить эту женщину не то что в Хиву, а и в саму Москву, мы должны были бы доставить. – Мне стало жалко старика. – Да если б и сделали, как ты предлагаешь, – добавил я уже мягче, – ничего не получится. Забыл разве про подарок, о котором говорил перед нашим отъездом Арнагельды ага?

– Помню, – пробурчал Ахмед-майыл, – но какие могут быть подарки, если Айнабат, мы ведь так скажем, сама решила остаться в Теджене. Подтверждение от ее мужа? Калым? – Он все еще пытался переубедить меня. – И об этом не беспокойся, я все обдумал. Купим что-нибудь красивое у тедженских мастеров. Поменяем моего коня на породистого скакуна, доплатим, если надо. Деньги у меня есть, заверил торопливо и похлопал по кушаку. – И подарок, и коня отдадим Арнагельды. Он, конечно, спросит. где мой конь? Скажу: сдох. Ты подтвердишь. Если будем говорить одно и то же – поверит. Можно его убедить. Поверит он нам!

– Нет! – не соглашаясь, покачал я головой. – Повезем женщину в Хиву.

И повернувшись, начал спускаться с бархана.

Ахмед-майыл, не отставая, шагал рядом. Упрашивал согласиться.

Потом стал предлагать: ладно, давай, мол, сделаем по-другому – скажем Арнагельды, что доставили женщину родственникам в Хиву, не будем говорить, будто она вышла замуж, а сами отдохнем в Теджене столько, сколько надо, чтобы доехать до Хивы и обратно. Потом с подарками вернемся в отряд: вот-де, командир, приказание выполнили, подтверждение привезли.

– А Айнабат? – не оборачиваясь, спросил я едко.

– Что Айнабат? – удивился Ахмед-майыл. – Я же говорю: отдадим ее Нурсолтан, та пристроит женщину, не беспокойся. Главное подтверждение привезти. Думаешь, Арнагельды проверять станет? Когда он еще в Хиву попадет, да и попадет – где эту самую Айнабат искать? Город большой, область – еще больше. И время Арнагельды откуда возьмет, не до женщины какой-то ему там будет... – И, разозлившись на мое молчание, выкрикнул возмущенно. – Не будет, не будет он ее искать! Кто она ему: дочь, племянница, родственница? Что он кормил ее, поил, она в его доме жила?

Я ожег через плечо таким взглядом, что Ахмед-майыл даже отшатнулся, руки вскинул, точно заслоняясь от удара. Но через некоторое время опять окликнул меня:

– Максут, а Максут... – теперь голос был неуверенный, просящий. Ты сказал: большой привал сделаешь. Отпусти меня в Теджен хотя бы до вечера. Загляну к Хальку и к ночи вернусь. А? Ну чего я тут буду без дела торчать весь день, когда совсем рядом – друг.

Я отрицательно покачал головой, и вдруг меня прямо-таки в жар бросило: ведь мы останемся с Айнабат одни! Может, удастся с ней поговорить, работу какую-нибудь придумаю, за общим делом люди сближаются. Да мало ли... одни ведь будем, ну как словом-другим не перемолвиться: спрошу – она ответит, историю какую-нибудь расскажу, Айнабат в ответ что-нибудь расскажет...

– Хорошо, – я остановился, повернулся к напарнику притворно расстроенное, но понимающее лицо. – Друга надо навестить... Но чтобы в сумерках ты был здесь!

Ахмед-майыл чуть не подпрыгнул от радости.

– Спасибо, Максут. Можешь быть спокоен, не подведу! – Кинулся со всех ног обратно. И почти тут же проскакал мимо меня на своем жеребце.

Когда я вышел из зарослей к колодцу, Ахмед-майыл уже сидел в седле. Даже завтракать не стал, чай не попил – чудеса!

– Говоришь, там Теджен? – И нетерпеливо посмотрел в ту сторону, куда я показывал с вершины бархана. Я кивнул. Ахмед-майыл гикнул, взвизгнул, ударил коня пятками. Взметнулась пыль, затрещали кусты, и напарник мой исчез.

Мы с Айнабат остались вдвоем. Поели. Молча. Попили чай. Молча. Стал рассказывать о себе. Отвернулась. Сказал, что надо запастись водой – наполнить все бурдюки, все посудины. Айнабат молча встала, пошла к верблюду. Наполнили водой все, что можно было. Айнабат отвязала веревку от упряжи верблюда и тут же села в тень куста. Опять нахохлилась под паранджой – не шевельнется.

Я тоже отыскал тень под кустом напротив, бросил потник, лег, чтобы поразмышлять и, если удастся, вздремнуть – ведь ночью новый длинный переход. Сквозь прищур наблюдал за Айнабат: как бы ее расшевелить?.. Может, обидеть? Пусть возмутится, накричит на меня или хотя бы расплачется – лишь бы не молчала, лишь бы... Хоть характер ее узнаю. Правда, характер этой женщины, пожалуй, представляю: спокойная, умеет держать себя в руках – как она около Кушки посмотрела на меня небоязливыми глазами, как медленно, с достоинством сняла с куста паранджу, не спеша надела ее. Этим и понравилась. И еще лицом, конечно, телом, изгибом рук, волосами, черными и текучими, как ночь. Ах, Айнабат, Айнабат... Посмотрел: сидит в той же позе, хотя тень уже уползла, открыв женщину, – солнце поплыло к закату.

– Айнабат, – окликаю ее и жду, когда отзовется. От волнения сердце забилося учащенно – пришла мысль, что и она думает обо мне.

Женщина, не поднимаясь с корточек, повернулась спиной.

Я удержал вздох, встал. Потоптался, пошел проверить коня.

Все спокойно. Боздуман сосредоточенно пощипывал редкую сухую траву. Увидев меня, заржал негромко: пора бы, дескать, хозяин и попить мне.

– Сейчас, сейчас, потерпи еще немножко.

Я взбежал на бархан, взгляделся в сторону Теджена. Нет, не видно ни далекого всадника, ни даже приближающегося облачка пыли – не торопился возвращаться Ахмед-майыл, хотя по горизонту уже накапливались легкой дымкой сумерки.

Старый обманщик. В таком возрасте и не хозяин слову! – обозлился я. – Придется из-за него выходить поздно ночью!».

Спустился к Боздуману, развязал путы на его ногах и, не оглядываясь, направился к колодцу; конь, обдавая затылок теплым дыханием, шел вплотную за спиной.

Айнабат, к моему удивлению, хлопотала у костра, готовила ужин. Я обрадовался, но сделал вид, будто ничего особенного не вижу: хмурился, вел себя по-хозяйски, как и положено мужчине. Напоил Боздумана водой, которую вместе с Айнабат заготовили днем. Теплая, но свежей доставать не хотелось – надо отвлекать женщину от дела, звать, чтобы помогла.

Поужинали. И, конечно же, молча. Но сейчас мне было не до разговоров. Я все время прислушивался, не возникнет ли вдали мягкий беспорядочный топот коня Ахмед-майыла. Ничего похожего... А вечер стремительно накатывался, так же стремительно переходя в ночь. И вскоре совсем стемнело. Только затухающий костер отгонял шага на два тьму, которая за этим круглым пространством красноватого света, казалась еще более плотной, совсем черной.

На душе было беспокойно. “Уж не случилось ли с Ахмедом какой беды? Может, заблудился, может, конь на всем скаку споткнулся и старик переломал себе кости, а может... погиб. Лишь бы не попался бродячим басмачам, лишь бы с ним все было в порядке. Лишь бы вернулся жив-здоров, пусть ночью, пусть утром. Лишь бы вернулся – ни словом, ни взглядом не упрекну!».

– Что-то загостился наш Ахмед ага, – как можно беспечней сказал я. – Придется ехать днем. Конечно, для тебя это задержка, но что поделать...

Женщина не дослушала: встала, не спеша взяла хурджун, вытряхнула свою постель. Я тоже начал готовиться к ночлегу. Разостлал на всякий случай попону и для Ахмеда-майыла: может, придет ночью, пусть отдохнет до рассвета.

И снова смотрел в высокое небо, щедро и густо усыпанное подмигивающими звездами. Было так тихо, что начало звенеть в ушах. Ни обычных, еле уловимых звуков ночной пустыни, ни шороха, ни шелеста. Даже Боздумана и верблюда, присутствие которых обычно угадывается, не было слышно, словно они растаяли, растворились во тьме – впечатление, будто на всей земле исчезла жизнь и под этой огромной опрокинутой чашей неба с переливающимися яркими точками остались только два человека: я и Айнабат. Только мы, вдвоем.

Вдруг справа, совсем рядом, громко вскрикнул филин. Этот резкий вопль раздался так громко и неожиданно, что я невольно вздрогнул. Рывком повернул голову к Айнабат – не напугалась ли? Как всегда бывает ночью, то ли глаза привыкли к темноте, то ли слабый свет звезд разжигал темноту, но вокруг было уже не так беспросветно темно. Я различил и силуэт неподвижного Боздумана, который, опустив голову, дремал, и смутное пятно по ту сторону пепельно-серого круга костра: Айнабат. Филин опять вскрикнул; ему издевательски отозвался другой, погорластей. И они заперекликались раздраженно-нахальными голосами, а потом и расхохотались – глумливо, презрительно. Женщина зашевелилась.

– Айнабат, – негромко окликнул я. – Слышишь... Это всего лишь птицы. – Она подняла голову и посмотрела – или мне это только показалось? – в мою сторону.

И меня, как опалило, я даже чуть не задохнулся от неожиданности: “А что если она думает обо мне, как я о ней?.. И ждет, когда я решусь подойти, ведь я мужчина, я первый должен... Проклинает меня за нерешительность, молит Аллаха, чтоб надоумил меня... Ведь она вдова, она познала мужчину, тело ее хочет любви, кровь – молодая, жаркая... Как она посмотрела на меня тогда, у Кушки, как посмотрела! А как?.. А так – так смотрят женщины на несмышленища-мальчишку. Конечно, конечно, она заметила, что нравится мне. Лицо открыла и не торопилась спрятать его под паранджой, чтоб я мог увидеть... Подойти?».

Я облизал враз пересохшие губы, с силой зажмурился, сжал кулаки. “Пойду!.. Если сейчас, когда одни, не пойду, она будет презирать меня за робость... Надо идти, надо идти. Старики говорят: женщины любят смелых, любят сильных, тех, кто может покорить их... Все, иду!».

Но продолжал лежать, боясь даже шелохнуться. “Трус... Иду, иду... Говорят, стоит женщину обнять, стоит ей уловить запах пота разгоряченного, желающего ее мужчины, она теряет голову, забывает обо всем... Пора, пошел! Другого такого случая не будет!».

Я через силу, словно меня кто-то прижимал за плечи к попоне, сел. В сторону Айнабат смотреть не решился. Опустил голову. “Ну чего я боюсь? Чего?.. В крайнем случае только поговорю, скажу ей все, что хотел... Да, конечно, только поговорю, больше ничего. Надо высказаться, дальше так невозможно: думать о ней, думать, думать...». Сам не замечая как, я медленно – медленно поднялся и, тяжело волоча ноги, пошатываясь, как накурившийся анаши, побрел прямо через пепелище костра.

– Айнабат... Айнабат, выслушай меня и не сердись, – бормотал и сам не узнавал свой охрипший голос. – Айнабат, мне надо... надо сказать тебе...

Сквозь туман в глазах увидел, как в темноте передо мной взметнулось что-то светлое, узкое. Застыло. Ближе, ближе – или это я приближаюсь?.. Туман отступил. Рядом, вот оно, лицо Айнабат – Почему без паранджи? А ну да, на ночь сняла, – белое лицо, а глаза черные, блестящие. Какие огромные!.. И какие красивые!

– Айнабат... я давно хотел... как только увидел тебя...

Руки мои всплывают к этому белому, такому нежному – я вижу все обострившимся зрением, – тонконосому, с раздутыми ноздрями лицу; подрагивающие пальцы мои тянутся при-

коснуться к коже женщины, чтобы погладить, приласкать, тогда, может, и она откликнется на мое чувство...

И вдруг – неуловимо мгновенный взмах женщины, как всплеск крыла большой птицы. Пощечина обожгла мне щеку. Тело мое так же мгновенно дернулось вперед – к обидчику, к ударившему меня! – а пальцы, не дожидаясь приказа, уже вцепились в плечи Айнабат, стиснули их, тряхнули, но тут же разжались: какие же они хрупкие, слабые плечи эти!

– Скотина! – невольно присев под моими руками, изогнувшись от боли, выкрикнула с ненавистью Айнабат. – Пошел вон! Какой из мужчин, оставшихся там, на поле боя, был хуже тебя?! – В глазах ее зажглись огоньки бешенства.

Я сжал зубы так, что заныли виски, замотал головой, замычал от оскорбления как от боли и, чтоб не слышать больше ничего, бросился напролом через кусты, обдирая в кровь лицо о ветки.

Пришел в себя только на бархане, где днем Ахмед-майыл предлагал мне избавиться от женщины.

Упал на колени, опустил голову: “Вот и добился, чего хотел, поговорил с Айнабат, услышал ее голос, – прикусил до боли губу, задержал дыхание. – Что же, теперь хоть знаю, как она ко мне относится, получил прямой, ясный ответ!». Замычал, упал на бок, перекинулся на спину. Долго-долго, пока не начали слезиться глаза, смотрел, не моргая, на звезды, которые, казалось, подмигивают мне насмешливо и ехидно: “Ну что, парень, доволен? Получил, что хотел?”. Я прикрыл глаза ладонью и увидел лицо Айнабат – яростное, искривившееся от ненависти и презрения. но и такой она мне нравилась; даже больше, чем та, около речонки Кушки. Та – холодно-горестная, неживая. А эта – тигрица, ураган, смерч. Ах, Айнабат, Айнабат – не поняла ты меня, не такой я...» – и холодел от стыда: в ушах сливались в глумливый вопль те страшные и грязные ругательства, которые обрушила на меня женщина и которые мужчина не имеет права прощать никому. И я бы не простил. Никому. Кроме Айнабат.

Долго лежал я, мысленно беседуя с Айнабат, объясняясь, рассказывая ей о том, какой вижу ее в мечтах. Уже угадывались предрассветные сумерки, ночь приготовилась покидать землю, когда я встал и побрел к колодцу.

Айнабат, опять укутавшись в войлочный коврик, лежала, по привычке сжавшись в комок, отчего казалась беззащитной и обиженной. Я потоптался. Потом подошел к своей постели, поднял в небо глаза: “О, Аллах, если ты здесь, сделай так, чтоб женщина эта не думала обо мне плохо!». Лег, истерзавший себя думами, и сразу провалился в глубокий сон.

Проснулся от властного, будто кто палкой в грудь ткнул, толчка в то место, где сердце. Резко открыл глаза, увидел – в грудь упирается ствол винтовки, которую держит... Айнабат. В жидком свете утра лицо женщины было серым и неподвижным и от этого черные глаза казались грозно горящими.

– Айнабат, ты что?..

– Сейчас я пристрелю тебя, – твердо сказала она. – Не хотела убивать спящего. Надо, чтоб ты знал, кто и за что прикончил тебя.

“Убьет, не дрогнет!... Неужели все, конец?! Вот так, из-за непонятности, по ошибке?» – мелькало в голове, пока женщина, четко выделяя слова, объясняла свой приговор. – Ой, как хочется жить, как прекрасна жизнь, как глупо умирать...” Я дернулся в сторону, чтобы выскользнуть из-под дула, – грохнул выстрел. Пуля пробила мякоть плеча; я скрежетнул зубами, изогнулся, но успел поднырнуть под прыгнувшую вверх винтовку – отдача выстрела ударила женщину, и она чуть не выронила оружие. Вскочил, вцепился здоровой рукой в ствол, вывернул его. Айнабат, вскрикнув, упала.

– Сучка, тварь, гюрза! – озверев, заорал я и взмахнул винтовкой, чтобы прибить прикладом распластавшуюся у ног, но взгляд ее был такой бесстрашный, такой ненавидящий, что

рука моя отяжелела. – Разве можно так, ни за что, взять и убить человека?! – Я опустил винтовку. – Тебе только добра желают, а ты – вот чем отблагодарила.

– Ты? Добра желаешь?! – Айнабат неуловимым прыжком вскочила на ноги, вцепилась в винтовку. – Хочешь... чтоб отблагодарила?.. Сейчас, сейчас...

Она скалилась, извивалась, пытаясь вырвать оружие; я испугался, по-настоящему испугался, облапил ее левой рукой, чтобы прижать к себе, удержать, пока не обессилит, но острая боль ударила из простреленного плеча в голову. Я взвыл и мы, сплетясь, повалились на песок. Айнабат, вывернувшись, выпрямилась во весь рост. Я здоровой рукой поднял рывком винтовку и... палец мой застыл на спусковом крючке, потому что дуло оказалось направленным прямо в темнорозовый сосок Айнабат. Когда мы, сцепившись, барахтались, паранджа лопнула от горла до пояса, обнажив одну грудь женщины. мне стало не по себе, а потом и стыдно. Ведь она – женщина.

Айнабат, слегка согнувшись, прищурив лютые глаза, следила за каждым моим движением сквозь разметавшиеся, залепившие лицо волосы; отбросила их ладонью, чтоб не мешали смотреть, черные пряди растекались по плечам. Я, остывая, лихорадочно соображал, что же делать – опасно, если она в таком состоянии все время будет рядом. Связать до приезда Ахмедмайыла? Попробуй, свяжи... Да и как это – я буду скручивать руки и ноги той, о которой грезил, которую видел своей женой, которую ласкал в воображении, при одной только мысли о которой становилось так светло и радостно на душе?.. А кровь из раны в плече не останавливалась, левая рука немела, халат в месте прострела промок, набух.

– Айнабат, – и удивился: голос сиплый, свистящий, – возьми в хурджуна бинт, вату. Поддай мне... Очень болит рана, надо перевязать.

Руки женщины дрогнули и медленно опустились вдоль тела; она распрямилась. Но с места не сдвинулась, глаз от меня не отвела. Только выражение их стало иное, словно бы приценивающееся, изучающее. Я осторожно положил винтовку рядом с собой, всунул ладонь под халат, зажал простреленное плечо. Скривился, застонал. Попытался сесть – не получилось, только дернулся. Пришлось вытащить руку, чтобы опереться. Ладонь была вся в крови.

Айнабат шатнулась и, будто ее ударили под колени, надломленно опустилась. Нагнула голову; плечи женщины начали крупно вздрагивать – она пыталась, но не могла сдержать рыдания: голос клокотал, пробивался стонами, всхлипами.

Я тяжело поднялся. прихватив винтовку, проковылял к поклаже. Вытащил из хурджуна сверток с медикаментами; морщась и отфыркиваясь от боли, высвободил из халата простреленное плечо.

–Иди помоги! – попросил сухо.

И хотя сказал это негромко, женщина услышала. Замерла. Медленно повернула голову, недоверчиво посмотрела на меня. Я, оскалившись от боли, зажимал комком ваты рану и пытался вытянуть руку из рукава.

Айнабат плавно поднялась на ноги, неторопливо подошла – тихая, бледная, с опущенными ресницами. Быстрыми, мягкими движениями ощупала плечо, разорвала рубаху, открыв рану; обложила ее ватой. Неумело – у нас любой боец лучше и быстрее делает перевязку, – но старательно опутала, стянула плечо бинтами. Кровь перестала течь, в простреленном месте прекратилось дергающее, острое покалывание.

Закончив, Айнабат оценивающе посмотрела на свою работу и, не глядя мне в глаза, сосредоточенная, пошла к костру. Развела огонь, поставила тунче для чая.

Я, стараясь не делать резких движений, направился к колодцу – надо напоить коня, да и запасы воды пополнить не мешает.

– Я сама, – глянув на меня через плечо, решительно заявила Айнабат. – А ты – к верблюду! – Напоили Боздумана, дали воды и верблюду. Попили чаю, избегая смотреть друг на друга.

А Ахмед-майыла все не было. Стало ясно, что ждать его бесполезно. Солнце поднялось уже высоко и старик по всем подсчетам, учитывая и его сегодняшний завтрак у Халыка и долго прощание с другом, должен бы давно уже быть здесь.

– Надо ехать, – решил я. – Придется заглянуть в село, где живет Халык...

Поднялся, чтобы закрыть колодец циновкой, на мгновение оглянувшись – словно кто в затылок толкнул, – успел перехватить волчий, исподлюбья, взгляд женщины. Она тут же опустила глаза. Мне стало не по себе: «Уж не хочет ли она все-таки окончательно добить меня?». Невольно посмотрел в сторону винтовки, которая лежала невдалеке, схватился, не знаю почему, за карман, где лежала запасная обойма, а потом устыдился, что так плохо думаю об Айнабат.

– Не будем ждать его? – отрывисто спросила Айнабат.

– Больше не можем, – стараясь, чтоб голос звучал как можно беспечней, отозвался я. – Надо узнать, что с ним. – Айнабат молча собрала посуду, затоптала костер и, пока я запрягал Боздумана, привьючила хурджуны на верблюда и сама села на него.

Миновав заросли, пройдя меж барханов, мы выехали на огромный, беловатый от соли, изрезанный длинными трещинами, такыр. С севера набежал ветерок, наполненный терпкими запахами трав: значит, впереди не такая безотрадная пустыня. Словно подтверждая это, вдаль взмыли в небо и принялись кружиться стаи птиц. Вспугнул кто-то? Может, Ахмед-майыл?.. Ехать по такыру было легко и даже приятно – ветерок разогнал душный застоявшийся воздух и поэтому солнце казалось не таким жарким.

Мы приближались к месту, над которым металась черная птица; они становились все крупнее и кружились, падали к земле и снова круто уходили ввысь. Вьются над кем-то? Я на всякий случай снял винтовку с плеча, положил на стремянах, всмотрелся. А-а, вот оно что – там, где кончался такыр, паслось стадо коров. Значит, повезло: можно будет расспросить пастуха, прежде чем ехать в село.

Услышав топот копыт, пастух повернулся в мою сторону.

Боздуман ступил на мягкую песчаную почву, заплясал, щерясь и отворачивая морду в сторону. Пастух, худой, изможденный, со старческим лицом, хотя угадывалось, что лет этому человеку не так уж много, вскочил при моем приближении, и как только я натянул поводья, удерживая жеребца, подошел ко мне. Здрава козлиную бородку, первый протянул обе руки, чтобы пожать мою ладонь.

– Эссаломалейкум! – приветствовал он и, не дожидаясь ответа, попросил с нетерпением. – Дай щепоточку наса, а то я совсем извелся.

– Нет у меня наса, к сожалению, – сказал я. – Как вас звать?

– Нагым, Нагым, – торопливо ответил тот, не отрывая от меня молящих глаз. – Можно и табачку, хоть вот столечко, – сдвинул все пять пальцев, показывая, как мало ему надо.

– Нету табачку, – я виновато и обескураженно развел руками.

Ожидание во взгляде Нагыма погасло, желтое лицо страдальчески сморщилось, стало еще более старческим.

– Про терьяк уж и не спрашиваю, – унылым голосом сказал он. И все же поинтересовался без всякой надежды. – Или есть?

– Нет, друг, – я сочувственно вздохнул. – Не употребляю.

– Терьяка нет, наса нет, даже табачка у тебя нет. Какой же ты мужчина? – зло заметил Нагым и, не отрывая взгляда от приближающегося верблюда с Айнабат, вяло съязвил. – Если не мужчина, зачем тебе тогда эта женщина?

Я чуть не рассмеялся, но сообразил, что этим могу обидеть человека, сдержался. Спросил, как можно небрежней:

– Яшули, вы случайно не знаете такого человека – Халыка, у которого жена Нурсолтан? – спросил я как можно небрежней.

– Кто ж его не знает, – Нагым пренебрежительно дернул плечом, если он, наверное, один в селе ест собак.

– Собак?! – поразился я. – Зачем?!

– А это ты у него спроси, – пастух, обозленный, что не удалось ничем пожить у меня, ехидно заусмеялся. – Спроси, зачем он сожрал старого кобеля Худайназара бая? Я спрашивал. Говорит, потому что кобель Худайназара еле ходил, а, значит, – жирный. Тьфу, погань! – И сплюнул под ноги. – Я теперь с твоим родственником, этим сопышкой Халыком, ни на свадьбах, ни на поминках рядом не сижу. Так и знай!

“Несчастный ты... Хочешь обидеть меня, задеть побольней, унизив родственника. Разве я виноват, что тебе сейчас, больному и разбитому, свет не мил?»

– И все же непонятно, – я искренне недоумевал, – зачем есть собаку? Он же не кореец.

– Зачем, зачем, – внезапно раздражаясь, визгливо выкрикнул Нагым. – Затем, что твой Халык-сопышка больной. Вот и лечился. Мне сам Овез, у которого всегда есть терьяк, – Нагым многозначительно посмотрел на меня, – сказал. Овез знает, Овез и обдирал этого пса Худайназара.

– Если у Овеза всегда есть терьяк, – соболезнующе начал я – сходил бы к нему и купил.

– Купить? – Нагым фыркнул. – На какие деньги?.. Или, может, предложить Овезу за терьяк эти лепехи? – Показал на часто усыпавшие пастбища и сухие, и свежие круги коровьего помета.

– Вижу, придется тебя выручить, – я подчеркнуто вздохнул, полез за пазуху, сморщившись от боли в плече. – Выручу тебя... Только и ты меня выручи.

– Все сделаю, все исполню, – Нагым даже запританцовывал от нетерпения, по-собачьи влюбленно и преданно заглядывал мне в глаза. Говори, что надо сделать!

– Зайди к Халыку, узнай, есть ли у него гость? Звать Ахмед ага.

– Хо, только-то и работы? – Нагым выхватил у меня из руки деньги, цепко зажав их в кулаке. – Это не работа – удовольствие: заглянуть на чашку чая, побеседовать... Жди, я скоро!

Заметался, поднял на бегу с земли маленький грязный узелок – с едой, наверно, – и сразу же отбросил его; схватил палку и, видимо, наконец-то придя в себя от неожиданной удачи, кинулся к ишаку, который пасся среди коров.

– Присматривай за коровами! – крикнул на бегу, обернувшись. Среди них есть и такие, что так и нороят – мотнул головой в сторону пестрой комолой, – приглядывай особо, не упускай из виду...

Ишак, на которого вскочил Нагым и которого принялся колошматить за своей спиной палкой то слева, то справа, припустил резвой рысью и вскоре скрылся за невысоким барханом вдали.

Я соскочил с коня; стараясь не делать резких движений, чтобы не потревожить рану, помог слезть и Айнабат с верблюда.

– Видишь, придется сделать еще один привал...

Пастух вернулся только к вечеру, когда и я, и коровы начали уже беспокоиться, – они вытягивали морды, принимаясь, прислушиваясь, иногда удивленно-вопросительно мычали и уже потянулись в сторону села, я носился на Боздумане, отсекая коровам путь, сбивая их в плотное стадо, и, откровенно говоря, вымотался. Стал уже подумывать, что напрасно сам не поехал разыскивать Ахмед ага, хотя и понимал, что это было бы сложно – надо брать с собой Айнабат, не оставлять же ее в пустыне: женщина с таким характером не будет дожидаться, поедет одна в Хиву и... заблудится, погибнет. Но и в Теджен ее брать рискованно – как поведет себя на людях? Может выкинуть какую-нибудь глупость, почище попытки убить меня: закричит в оживленном месте, что я украл ее, попытается затеряться, скрыться... Где же этот проклятый Нагым? – все более и более тревожился я. – Вдруг накурился до одури и сейчас валяется где-

нибудь счастливый и беспамятный. А тут еще стадо это. Что делать с коровами, пора их по домам. Придется, наверное, отпустить. Дома своих хозяев сами найдут.

Наконец, когда я откровенно запаниковал – ночь-то вот-вот наступит, – вдали показалась черная точка. Она медленно приближалась, увеличиваясь; донеслись обрывки развеселой песни и вскоре, к моему огромному облегчению, счастливый, прямо-таки сияющий Нагым, бойко соскочил с ишака. Пастух помолодел, кожа разгладилась, посвежела, потеряв нездоровую желтизну; маленькие глазки хитро и доброжелательно блестели. Коровы, увидев и узнав его, враз успокоились: одни принялись опять пощипывать траву, другие, с сытыми вздохами, опустившись, пережевывали жвачку.

Нагым присел на корточки у костра, принял из рук Айнабат пиалу с чаем и с бестолковыми, нудными и лишними подробностями поведал о том, как приехал в Теджен, отыскал Овеза, выкурил у него пару трубочек и лишь потом направился к Халыку, во дворе которого собака, рожденная известной своей злостью сучкой Сапардурды, не хотела пускать в дом и чуть не разорвала халат, хорошо что вышла из дому Нурсолтан, жена Халыка, и отогнала свирепую собаку, а потом, в ответ на расспросы, рассказала, что да, дескать, приехал вчера к ним Ахмед ага, живущий в Пенди, старый и хороший друг мужа, почти до утра они просидели, но сейчас Ахмед ага нет, уехал вместе с Халыком в соседний аул...

– В аул? – растерялся я. – В какой еще аул?

– Не знаю, – беспечно пожал плечами пастух. – Я не спрашивал, ты ведь просил только узнать, был ли у Халыка гость Ахмед.

И начал рассказывать о том, как, обрадованный, что так быстро выполнил мою просьбу, вернулся к Овезу, у которого, в отличие от некоторых – посмотрел насмешливо на меня, – есть терьяк, не говоря уж о насе и табаке.

Я не слушал, тупо глядел в угли костра. “Ну и помощника мне подобрал Арнагельды ага!.. Что же делать, где искать этого распроклятого Ахмед-майыла?.. И надо ли искать? А что, если он специально удрал и теперь будет скрываться от меня?».

– Айнабат, собирайся! Едем! – приказал, оборвав оживленное борматание пастуха, который, брызжа слюной, хихикая, взмахивая руками, объяснял, как хорошо было ему у Овеза.

Я подошел к Боздуману, начал завьючивать его – решил: поедем в Хиву вдвоем с Айнабат; Ахмед-майыл дезертировал... Сказать или не сказать ей, что старик сбежал от нас? – мучился я. – А вдруг испугается? Или, еще хуже, решит, что я договорился с Ахмедом, чтобы он оставил нас одних. Нет, буду молчать, пусть считает, что все идет как надо, что Ахмед-майыл догонит нас...».

Мы, обойдя далеко село, ехали всю ночь, не останавливаясь, и лишь утром, когда начали нарастать зной и духота, сделали привал, выбрав подветренную сторону высокого бархана. Все равно лучшего места не найти – зарослей, дающих тень, нет, лишь редкие, сухие кусты саксаула, меж которыми кое-где островками хилая, пожухлая трава. Пока я расседывал Боздумана, поил его, вздрагивая иногда от режущей боли в плече, Айнабат проворно развела костер, поставила тунче для чая... чай был невкусным: вода в бурдюке нагрелась, стала еще солоней.

Неожиданно сильный порыв ветра принес издали ленивый собачий брех, недовольный крик ишака. Айнабат, забывавшая теперь закрывать лицо, вопросительно посмотрела на меня.

– Аул Оджарлы, – зевнув, объяснил я. – Версты полтора отсюда... Надо б зайти, сменить воду – противная стала.

Айнабат поджала губы – я понял, хотела возразить: незачем, мол, показываться в селении, но она не осмелилась.

– Если не хочешь, пройдем мимо, – я не настаивал.

Зевнув еще шире и, радуясь, что плечо болит уже не остро, а ровно, привычно, провалился в сон – обессилили, вымотали меня эти сутки...

Проснулся от быстрого шепота Айнабат:

– Максут, вставай, вставай скорей! – Она несмело потормошила меня.

– Ну, в чем дело? – недовольно буркнул я, поворачиваясь, и тут же, в полудреме еще, отчетливо вспомнил как вчера утром будила меня эта женщина, чтобы убить. Сна как не бывало. Я испуганно пощупал здесь ли виновка? Да здесь.

– Вставай! – выдохнула тревожным голосом еще раз Айнабат. – К нам едут какие-то люди...

– Басмачи?! – я вскочил. – Где?

– Там, – она, повернувшись, показала в сторону бархана, склон которого был весь в следах ее ног.

Я схватил винтовку, на бегу зарядил ее полной обоймой, и пригнувшись, словно охотник, преследующий добычу, взлетел к вершине бархана. Айнабат тоже кинулась было за мной, но я ожег ее взглядом, прошипел:

– Сиди! И – ни с места! – Нырнул за кустик саксаула. Вгляделся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.